

21/100 158000
75

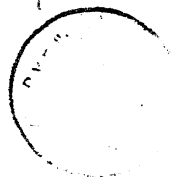
КИЕВСКІЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПОМОЩЬ

ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Подъ редакціей И. В. Лучицкаго.

ф. 30-4052

Типогр. С. В. Кульженко, Ново-Елсаветинск. ул., соб. домъ.

КІЕВЪ.

1892.

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній инженера).

Насъ было болѣе двадцати инженеровъ, съѣхавшихся въ концѣ сентября въ Баку со всѣхъ сторонъ Россіи для посѣщенія Закаспійскаго края. Мѣста на пароходѣ общества «Кавказъ и Меркурій», самого большаго изъ поддерживающихъ пассажирское сообщеніе на Каспійскомъ морѣ, были заблаговременно нами заказаны по телеграфу. Отплытіе назначено было въ 7 часовъ вечера. -

Насъ дома и на Кавказѣ очень пугали Каспійскимъ моремъ. «Самое неприятное море въ свѣтѣ», говорили намъ, «или буря, или мертвая зыбь—что хуже бури. Даже моряки—и тѣ на Каспій страдаютъ отъ морской болѣзни. Черное море агнецъ въ сравненіи съ Каспійскимъ». «Вотъ увидите, говорили другіе, какъ васъ поколышетъ, одинъ разговоръ, что изъ Баку въ Узунъ—Ада (портъ на восточномъ берегу) восемнадцать часовъ—это рѣдко бываетъ; а бываетъ, въ особенности осенью, что пароходу требуются сутки и болѣе, чтобы переплыть поперекъ этого капризнаго моря. Притомъ-же тамъ ходятъ мизерные пароходики—не чета блистательнымъ гигантамъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, совершающимъ черноморскіе рейсы».

Эти страхи имѣли послѣдствіемъ, что два-три инженера передъ отплытіемъ внезапно получили телеграммы изъ-дому отъ своего начальства, требовавшаго-де немедленнаго ихъ возвращенія. Остальные мы, не безъ нѣкотораго смущенія, направились къ пароходной пристани. Уже темнѣло. Погода стояла ясная и теплая. «Великій князь Алексій», послѣдній принимавшій у пристани послѣдніе грузы, оказался пароходомъ средней величины, очень опрятнымъ, съ небольшимъ, но довольно уютнымъ и элегантнымъ заломъ I класса, къ которому съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ нѣсколько кабинъ. Столовая и кабины второго класса тоже очень приличны, только вмѣсто краснаго бархата перваго класса—здѣсь сѣрое сукно. Между первымъ и вторымъ классомъ па-

луба, играющая роль третьяго класса. Надъ салономъ перваго класса—палуба перваго класса (рупка).

Занявъ вдвоемъ съ товарищемъ кабину въ центрѣ парохода (хорошо, говорятъ, противъ качки) мы, въ ожиданіи отплытія, взобрались на рупку.

На пристани толпилась масса народа, разглядѣть которую сначала было трудно. Но вдругъ зажглись электрическіе фонари вдоль всей набережной и пролили яркій бѣлый свѣтъ на эту пеструю толпу. Еще на мостовой передъ пароходомъ лежало много тюковъ и ящиковъ; между ними сновали и крикливо распоряжались приказчики-армяне въ небольшихъ барашковыхъ шапкахъ, короткихъ шелковыхъ рубашкахъ съ кавказскими поясами и длинныхъ темныхъ черкескахъ. Персы—мушій (носильщики), коренастые, бѣдно одѣтые и обутые въ мягкіе башмаки, родъ лаптей, медленно ступая толстыми кривыми ногами, переносили съ пристани на пароходъ на своихъ спинахъ немовѣрные тяжести. Нужно удивляться не только силѣ, но и практичности этихъ восточныхъ носильщиковъ, изобрѣвшихъ спеціальныя сѣдла для переноски своихъ громадныхъ тяжестей. Сѣдло это сдѣлано изъ подушекъ, обмотанныхъ веревочными плетениями, и такъ приспособлено для ношенія на спинѣ, что при согнутомъ положеніи корпуса мушій сѣдло частью упирается въ бока его, частью въ спину и подвѣшено къ плечамъ; тяжесть-же ставится на сѣдло, упираясь въ спину. Такимъ образомъ весь корпусъ мушій участвуетъ въ поддержаніи ноши, а голова и руки свободны.

Чѣмъ ближе было время отхода парохода, тѣмъ больше приплывало на пристань пассажировъ третьяго класса. Большинство составляли богомольцы—персы въ высокихъ черныхъ бараньихъ шапкахъ и темныхъ халатахъ, со смуглыми лицами и выкрашенными въ огненно-красный цвѣтъ бородами и пальцами. Они направлялись на богомолье въ персидскій городъ Мешхедъ, играющій въ религіозной жизни магометанъ-шіитовъ ту-же роль, что у суннитовъ Мекка. Туда-же стремилось нѣсколько семействъ кавказскихъ горцевъ—магометанъ съ женами, тщательно закрытыми бѣлыми чадрами, и съ дѣтьми. Нѣсколько человѣкъ казанскихъ татаръ, очевидно, богатыхъ купцовъ, въ темно-коричневыхъ и темносѣрыхъ суконныхъ лисьихъ шубахъ съ бобровыми воротниками пробирались къ каютамъ второго класса. А тамъ, въ толпѣ бухарцевъ въ разноцвѣтныхъ халатахъ и маленькихъ цвѣтныхъ шапочкахъ—тибетейкахъ—на бритыхъ головахъ, виднѣлись свѣтлорусыя красивыя лица великорусскихъ мужиковъ и бабъ, хлопотавшихъ о перенесеніи на пароходъ своихъ немногочисленныхъ пожитковъ.

Раздался первый протяжный свистокъ съ парохода. Толпа еще больше зашумѣла, и помостъ на пароходную палубу наполнился снующими туда и сюда людьми всѣхъ племенъ и возрастовъ. Послѣдніе тюки перенесены на пароходъ, кпшащій народомъ. Второй свистокъ. На помостѣ водворяется городской, который съ большою энергіею старается сохранить порядокъ и стремится весьма вразумительными тумакми помочь восточной публикѣ, не уѣзжающей въ Азію, вернуться съ помоста на берегъ, а уѣзжающей—перейти съ него на пароходъ. Но это

задача не легкая: то благополучно водворенный на пароходъ красно-бородый персь встрѣчаетъ необходимость еще въ послѣднюю минуту обмѣняться нѣсколькими, вѣроятно весьма нужными, словами съ другимъ красно-бородымъ одноплеменникомъ, только-что при помощи того-же представителя полиціи водвореннымъ на материкъ, то мальчишка-армянинъ изъ-подъ самого стража порядка прошмыгиваетъ на палубу, кричить нѣсколько словъ на-ухо своему знакомому пассажиру съ длиннымъ носомъ и столь-же стремительно несется назадъ на берегъ, не смущаясь затрещиной, полученной на пути отъ бдительнаго алгвазила. А тамъ опять цѣлая толпа персовъ желаетъ сразу перейти по сходнямъ, мѣшая такой-же толпѣ сойти съ парохода. Крикъ, ругань, шумъ. Что при этой сутолокѣ и бѣготѣ по неогражденному перилами помосту такой массы народа—никто не попалъ въ воду, въ особенности когда при третьемъ протяжномъ свисткѣ—помость стали забирать по частямъ на пароходъ—это заслуга изумительной административной дѣятельности этого энергичнаго бакинскаго городского и его мощныхъ кулаковъ.

Наконецъ, помость убранъ—послѣдніе швартовы отданы, между материкомъ и «Великимъ Княземъ Алексіемъ» снята послѣдняя связь, и онъ заднимъ ходомъ медленно начинаетъ отчаливать. Затѣмъ поворотъ, и пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ. Ярко освѣщенная электричествомъ жанровая картина бакинской пристани съ покрывающимъ ее разношерстнымъ народомъ отходить на все болѣе и болѣе далекій планъ—и передъ нами вырастаетъ другая картина, въ болѣе обширной рамкѣ—пейзажа бакинской бухты съ городомъ, расположеннымъ амфитеатромъ, надъ которымъ господствуетъ на высотѣ Ханская башня; направо выбивающіеся изъ темныхъ конусовъ огни Чернаго города, налѣво тѣряющійся въ морской мглѣ берегъ. И вся эта прелестная картина, какъ въ зеркалѣ, воспроизводится каспійскими водами....

Долго мы сидѣли на палубѣ, слѣдя глазами за уходящими вдаль огнями русской Пенсильваніи и вспоминая о предестинныхъ дняхъ, пережитыхъ въ кругу товарищей на Кавказѣ.

Но вотъ мы пробѣжали и Апшеронскій маякъ. Земля совсѣмъ скрылась, куда ни глянешь—темное безоблачное небо и темная водяная плоскость еле-колышащагося Каспія. Вдругъ раздаются протяжные, заунывные звуки. Персь; стоя обращенный лицомъ къ Меккѣ, среди палубы, зоветъ правовѣрныхъ, окружающихъ его спутниковъ къ молитвѣ.

Съ большимъ интересомъ прослушали мы оригинальное пѣніе съ трелями и флоритурами вѣрнаго сына Магомета и спустились въ салонъ, гдѣ застали товарищей за энергическимъ подкрѣпленіемъ въ ожиданіи трудностей морского путешествія. Оказалось, что одна изъ пассажировъ сочла долгомъ, немедля за Апшеронскимъ мысомъ, начать страдать морскою болѣзнію, не смотря на вполне спокойное море. Ея заразительному примѣру послѣдовалъ и одинъ инженеръ. Впрочемъ, этотъ самый почтенный коллега страдалъ морскою болѣзнію и на Военно-Грузинской дорогѣ вслѣдствіе качаній кареты, въ которой онъ ѣхалъ. Послѣ ужина

одинъ изъ инженеровъ, отличный піанистъ, огласилъ каспійскій пароходъ звуками русскихъ оперъ, малороссійскихъ шумокъ, шопеновскихъ мазурокъ и закончилъ музыкальныя воспоминанія о временно оставленной нами части нашего отечества лезгинкою Рубинштейна.

Естественнымъ переходомъ къ ожидающимъ насъ въ Азіи впечатлѣніямъ была мастерски сыгранная другимъ инженеромъ музыкальная картина покойнаго Бородина—«Средняя Азія».

Къ полуночи на «Великомъ князѣ Алексѣѣ» водворилась полная тишина, и мы заснули, убаюкиваемые однообразнымъ шумомъ пароходнаго винта. Ночью пришлось нѣсколько разъ просыпаться и съ удивленіемъ замѣчать, что иногда ноги занимаютъ положеніе выше головы. Но это не помѣшало доброму сну, и когда мы проснулись на слѣдующій день—солнце уже свѣтило въ каюту. Выходя на палубу, я былъ ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ солнца и блескомъ свѣтло-голубой, слегка зыблящейся водяной поверхности, быстро прорѣзываемой «Великимъ Княземъ». Вдали начали показываться очертанія Красноводскаго берега и синіе контуры возвышенностей—Большихъ Балханъ.

Восточная публика третьяго класса уже готовилась къ трапезѣ. Всюду въ разнообразныхъ мѣдныхъ чашахъ творились омовенія выкрашенныхъ въ красную краску рукъ персовъ и загорѣлыхъ темно-коричневыхъ кавказскихъ и турменскихъ рукъ.

И наша путевская компанія стала мало-по-малу собираться вокругъ завтрака. «А скоро-ли мы въ Узунъ-Ада?»—«Ко второму часу дня, отвѣчалъ бравый капитанъ-финляндецъ,—если можно будетъ пройти безъ пересадки въ гавань».—«Какъ безъ пересадки, какая пересадка?» раздалось со всѣхъ сторонъ. «А видите-ли, поясняя капитанъ обступившимъ его инженерамъ, наши каспійскіе большіе пароходы, когда нагружены, имѣютъ осадку въ семь-восемь футовъ, соотвѣтственно девятифутовой глубинѣ Астраханскаго порта. Ну, а эта, какъ видите, не особенно большая глубина въ послѣднее время не всегда бываетъ въ фарватерѣ прохода къ Узунъ-Адинской бухтѣ—и тогда приходится пассажировъ и часть грузовъ перегружать на плоскодонные небольшіе пароходики, и уже облегченными входить въ гавань».—«Отчего же такой неудобный въ навигаціонномъ отношеніи портъ служить западнымъ исходомъ нашей знаменитой средне-азіатской дороги, соединяющей Европу съ центромъ Азіи?»—«Что прикажете дѣлать,—вотъ Красноводскъ—прекрасная глубокая бухта, но, вѣроятно, у строителя дороги—генерала Анненкова—были серьезныя основанія не вести линіи оттуда. Да и теперь у нихъ тамъ на Закаспійской не рѣшенъ еще, говорятъ, вопросъ, не вести-ли вѣтвь на Красноводскъ; да вамъ это все тамъ разкажутъ; а вотъ и островъ Челетенъ».

Передъ нами показался на горизонтѣ длинный, повидимому, пустынный желтый островъ. Еще немного—и мы прошли ливію мелкихъ островковъ, за которою море стояло совершеннымъ зеркаломъ, а на горизонтѣ показалась

волнистая желтая линия прибрежных Узунъ-Адинскихъ песчаныхъ холмовъ—бархановъ.

Къ намъ на встрѣчу шелъ небольшой паровой катеръ, на кормѣ котораго помощью биноклей можно было различить флагъ съ якоремъ и топоромъ вѣдомства путей сообщенія. Приблизившись, катеръ далъ намъ сигналъ остановки—и мы приняли на палубу Начальника службы пути Закаспійской дороги, инженера С., человека среднихъ лѣтъ, очень симпатичной наружности, хорошо знакомого нѣкоторымъ изъ насъ, и молодого красавца—инженера И.—Начальника Узунъ-Адинской дистанціи, порта и фарватера. Это были первые закаспійцы, встрѣтившіе насъ съ истинно товарищескимъ радушіемъ.

Оказалось, что уровень воды чрезвычайно понизился и придется пересаживаться. Пока инженеръ И. давалъ нашему капитану указанія, какого въ узкомъ фарватерѣ держаться курса, спутникъ его С. разложилъ передъ нами детальную карту Узунъ-Адинской бухты и посвятилъ насъ во всѣ подробности вопроса—Узунъ-Ада или Красноводскъ. Оказалось, что дѣло далеко не такъ просто, какъ кажется, что если многое и говоритъ въ пользу постройки вѣтви къ Красноводску, то и не менѣе доводовъ за оставленіе головы Закаспійской дороги въ Узунъ-Ада, конечно, при извѣстныхъ необходимыхъ, но не особенно большихъ, затратахъ на углубленіе этого порта и поддержаніе въ немъ должной глубины. Между тѣмъ за шесть лѣтъ въ Узунъ-Ада никакихъ землечерпательныхъ работъ не дѣлалось, а вѣдь безъ нихъ почти ни одинъ портъ существовать не можетъ.

Пока у насъ шли оживленные по этому вопросу пренія, «Великій Князь» остановился, такъ какъ глубина фарватера становилась для него недостаточною. Подошелъ маленькій пароходикъ «Туркменъ» — и на него стали перегружаться всѣ пассажиры и часть грузовъ. Часа два длилась эта пересадка, представлявшая опять весьма оживленную восточную картину. Затѣмъ мы быстро пошли между островками, окаймляющими входъ въ бухту. Солнце уже садилось и косыми лучами золотило темно-желтыя вершины Балханскихъ возвышенностей и свѣтло-желтые барханы, когда мы приблизились къ Узунъ-Адинскому порту.

Довольно обширная бухта покрыта множествомъ судовъ, стоящихъ болѣею частью у деревянныхъ, довольно первобытныхъ моловъ, далеко вдающихся въ море. Синія воды вычурными зигзагами врѣзываются въ желтую песчаную поверхность прибрежья, сплошь покрытаго желѣзнодорожными путями, вагонами, товарами въ тюкахъ, бочкахъ, мѣшкахъ, строительнымъ лѣсомъ, углемъ, дровами. А дальше видѣются деревянные дома, бараки, желѣзнодорожная станція — и все это окаймлено песчаными желтыми барханами.

Такъ вотъ она Азія! Вотъ тѣ пески, которые столѣтіями ограждали неприступность туркменскихъ степей и которые такъ удивительно быстро побо-

роль русскій инженеръ подъ предводительствомъ генерала, энергія котораго не знала препятствій!....

У станціи насъ ждалъ экстренный поѣздъ, непривычнаго для насъ вида. Всѣ вагоны бѣлаго цвѣта, а нѣкоторые такіе низкіе отъ земли, что для того, чтобы войти въ нихъ, приходится подняться лишь по двумъ-тремъ ступенькамъ. Это служебные вагоны, передѣланные изъ знаменитыхъ двухъ-этажныхъ вагоновъ генерала Анненкова, сослужившихъ большую службу при постройкѣ дороги. Въ каждомъ такомъ вагонѣ кромѣ спальни имѣется небольшой салонъ, помѣщеніе для прислуги и ванная—очень цѣнная вещь при служебныхъ разъѣздахъ въ знойное средне-азиатское лѣто по Закаспійской дорогѣ, имѣющей длину свыше 1300 верстъ.

Другая особенность закаспійскаго поѣзда—вагонъ-столовая и вагонъ-кухня. Этими вагонами снабжены всѣ пассажирскіе поѣзда, такъ какъ буфеты имѣются только на большихъ станціяхъ, благодаря чему можно, путешествуя по средне-азиатской пустынѣ, во всякое время имѣть хорошую и обильную ѣду за весьма умѣренную цѣну и въ пятидесяти-градусную жару пить отстоянные на льду напитки. Въ концѣ поѣзда прицепленъ открытый вагонъ-рѣшетка—очень удобный для осмотра дороги. Паровозъ съ нефтянымъ отопленіемъ. У вагоновъ стояли съ сигнальными флагами въ рукахъ солдаты желѣзнодорожнаго батальона, такіе-же солдаты стояли на паровозѣ. Дѣло въ томъ, что Закаспійская дорога, строившаяся подъ руководствомъ генерала Анненкова инженерами путей сообщенія при помощи желѣзнодорожныхъ батальоновъ, еще находится, такъ сказать, на военномъ положеніи. Во главѣ дороги стоитъ полковникъ генеральнаго штаба, многіе начальники станцій, нѣкоторые изъ начальниковъ дистанцій—изъ военныхъ, и почти весь нижній и средний персоналъ—стрѣлочники, сторожа, кондукторы, машинисты, кочегары, смазчики, телеграфисты—нижніе чины желѣзнодорожнаго батальона.

Размѣстившись въ бѣлыхъ вагонахъ и оттелеграфировавши въ Европу роднымъ о благополучномъ вступленіи на древнюю почву Азіи, мы усѣлись въ вагонъ рѣшетку, и поѣздъ двинулся въ путь.

Свѣтлая лунная ночь. Довольно прохладно. Поѣздъ проходитъ по узкой насыпи, длиною болѣе версты, соединяющей островъ Узунъ-Ада—«Длинный островъ»—съ материкомъ, и затѣмъ вдоль берега между барханами, закрывающими постепенно отъ насъ Узунъ-Ада и деревянныя зданія станціи, ожидающія разрѣшенія вопроса о Красноводской вѣтви, чтобы или исчезнуть, или замѣниться новыми каменными. Затѣмъ Каспій блеснулъ въ послѣдній разъ и скрылся за Малыми Балханами, тянущимися слѣва, справа—Большіе Балханы, кругомъ пески.

Эти пески и безводье были главными врагами здѣсь русскаго войска до постройки Закаспійской дороги, они-же представляли главнѣйшія препятствія при сооруженіи дороги. Гдѣ эти рыхлые, передвигаемые малѣйшимъ вѣтромъ барханы,—тамъ ни растительности, ни животныхъ—мертвая пустыня. Всматриваясь въ полотно дороги, замѣчаемъ, что оно покрыто сѣрою растрескавшеюся корою,

вызванною поливкою его морскою водою—одно изъ средствъ противъ выдуванія песка изъ-подъ шпаль вѣтромъ—грознымъ врагомъ песчаныхъ участковъ дороги. Въ другихъ мѣстахъ замѣчаемъ вдоль полотна деревянные чашеколы, а еще въ другихъ насажденія—тамариски, саксаулъ. Саксаулъ—большой здѣсь другъ и помощникъ человѣка. Это небольшой кустарникъ, но пускающій глубокіе корни и этимъ укрѣпляющій подвижные пески.

Прѣѣзжаемъ на станцію Михайловскъ. Отсюда собственно начиналась Закаспійская дорога до 1886 года, когда вслѣдствіе неудобства Михайловскаго порта построена была вѣтъ въ 27 верстъ къ Узунъ-Ада. Въ Михайловскѣ высадился Скобелевъ, предпринимая свою знаменитую экспедицію. Кругомъ высокіе барханы. Поѣздъ незамѣтно подымается, барханы, кое гдѣ покрытые саксауломъ, становятся все ниже, а за станцію Мулла-Кара оканчиваются пески, и дорога вступаетъ въ степь, но степь безводную и покрытую низкою, выжженною солнцемъ травой. Слѣва все еще насъ сопровождаютъ Большіе Балханы, но еще двѣ-три станціи, и уже слѣва ровная Текинская степь—безжизненная и безмолвная. До станціи Казанджикъ, на протяженіи 175 верстъ, нѣтъ прѣсной воды! Всѣ станціи и живущіе на линіи въ сторожевыхъ казармахъ и будкахъ на этомъ участкѣ снабжаются водою изъ Казанджикскаго родника специальными водяными поѣздами, регулярно обращающимися по участку.

Исчезли и Малые Балханы, и при блѣдномъ свѣтѣ луны видъ мертвой Текинской степи наводитъ на унылыя мысли.... Сколько эта безводная знойная степь вырвала жертвъ изъ среды русскихъ отрядовъ, защищавшихъ наши восточныя окраины отъ разбойничьихъ набѣговъ дикихъ туркменовъ! Глядя на эту пустыню, становится понятнымъ, что не превосходныя силы хорошо вооруженныхъ текинскихъ толпищъ, не отмынная храбрость дикихъ наѣзтниковъ были причинами неудачъ экспедицій 1878 и 1879 годовъ генераловъ Ломакина и Лазарева противъ текинскаго Нуръ-Вердыхана, а главною причиною была изнурительность переходовъ по безводной пустынѣ и чрезвычайная трудность снабженія отрядовъ необходимымъ провіантомъ, невозможность своевременныхъ подкрѣпленій. И какъ измѣнилась сразу картина, когда, съ прибытіемъ сюда въ 1880 году Скобелева, предпринята была для военныхъ цѣлей постройка 220 верстъ желѣзной дороги отъ Михайловска до Кизиль-Арвата! Блистательно Скобелевъ отомстилъ за всѣ прежнія неудачи. Геокъ-Тепе былъ взятъ штурмомъ—и паденіе крѣпости навело трепетъ на туркменскихъ степныхъ разбойниковъ, произвело на востокѣ неслыханное волненіе. И въ этомъ громкомъ успѣхѣ русскаго оружія немалая доля принадлежитъ этимъ двумъ рельсовымъ нитямъ, поспѣшно и безостановочно уложеннымъ по текинскимъ сыпучимъ пескамъ, не взирая ни на какія трудности, ни на какія преграды!....

Теперь, конечно, дорога мало похожа на ту, которая строилась съ лихорадочною быстротою—по временнымъ деревяннымъ мостикамъ, съ кибитками вмѣсто домовъ—все впередъ и впередъ....

Къ утру мы прибыли въ Кизиль-Арватъ, проѣхавъ 250 верстъ дороги. Этою станціею заканчивается первый участокъ, сослужившій свою боевую службу. Дальнѣйшая часть желѣзной дороги, почти 1100 верстъ, въ Мервъ, Бухару и Самаркандъ, строилась уже четыре года позже (въ 1885 году), послѣ покоренія Мерва.

Выходя изъ вагона, мы были поражены неожиданнымъ видомъ. Хорошенькое станціонное зданіе съ асфальтированной платформою кругомъ окружено густою зеленью; нѣсколько дальше видна обширная роща, а среди станціи бьетъ высокій фонтанъ! Мы въ Ахаль-Текинскомъ оазисѣ, а всѣми своими растительными прелестями Кизиль-Арватъ обязанъ маленькому «арыку» — узенькой канавкѣ, проводящей воду съ ближайшихъ горъ Копетъ-Дага, которыя тянутся красивою линіею справа отъ станціи вдоль желѣзной дороги съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на границѣ между Россіею и Персіею.

Оазисъ! Но пусть ваше воображеніе не рисуетъ вамъ финиковыхъ пальмъ, журчащихъ ручейковъ, сочныхъ газоновъ, и тому подобныхъ африканскихъ аксессуаровъ. Средне-азиатскій оазисъ совсѣмъ не то! Пожелтѣвшій лугъ, болѣе или менѣе хорошевоздѣланное поле, засѣянное пшеницею, ячменемъ или просомъ, кое-гдѣ кустики тамариска, а у воды душистыя дыни — и все это изрѣзано канавками, разводящими благодѣтельную влагу отъ главнаго арыка. Но и эта скромная растительность среди пустыни васъ ободряетъ, а плескъ станціоннаго фонтана вселяетъ въ васъ здѣсь какое-то особое веселіе. Намъ рассказывали, что на текинцевъ эти фонтаны производятъ какое-то чарующее впечатлѣніе, и они изъ далекихъ мѣстъ пріѣзжаютъ на своихъ верблюдахъ на станціи дивиться этимъ чудесамъ.

Кизиль-Арватъ небольшой городокъ, расположенный между станціею и горами, на скрещеніи нѣсколькихъ торговыхъ дорогъ, ведущихъ на сѣверъ и въ горы — въ персидскій городъ Хаджимъ-Кали. Улицы широкія, правильныя, съ началомъ растительности. Въ небольшихъ каменныхъ домикахъ-особнякахъ, съ плоскими крышами живутъ русскіе и персы, а въ глиняныхъ на видъ — въ дѣйствительности кирпичъ-сырецъ — текинцы. Желѣзнодорожные низшіе и средніе служащіе живутъ здѣсь въ особой колоніи изъ хорошихъ домиковъ съ садиками, которые они, при извѣстныхъ условіяхъ, за ежегодную скромную плату, могутъ пріобрѣсти въ собственность. Мы въ Кизиль-Арватѣ пробыли довольно долго, осматривая и недавно построенныя большія мастерскія, которыми могла-бы гордиться любая большая европейская дорога, и прекрасно устроенные матеріальные склады. Все это большія каменные зданія съ крышами изъ волнистаго желѣза, отлично выстроенныя и оборудованныя всѣми необходимыми машинами.

Закончили мы — посѣщеніемъ великолѣпнаго питомника, въ которомъ разведено все, что только можетъ расти въ этомъ краѣ, гдѣ за невыносимо знойнымъ лѣтомъ слѣдуетъ суровая зима. Питомникъ слѣва огражденъ высокимъ заборомъ, скрывающимъ отъ взоровъ степь, стелящуюся за нимъ. Среди питомника высокая двухъ-этажная бесѣдка. Быстро туда взобравшись, увидѣлъ

я предъ собою зелено-желтую степь, теряющуюся въ безграничныхъ пескахъ, и въ самомъ сосѣдствѣ со станціею нѣсколько десятковъ конусообразныхъ палатокъ-кибитокъ. Между ними кое-гдѣ виднѣлись человѣческія фигуры, стояли и лежали верблюды, овцы, бѣгали длинноногія собаки.

Пока товарищи подъ руководствомъ садовника разсматривали въ питомникѣ рѣдкостныя растенія, среди которыхъ видное мѣсто занималъ рициновый кустъ, благодѣтель столь неумѣреннаго въ ѣдѣ европейскаго человѣчества, я рѣшился наскоро посѣтить кочевую текинскую деревню. Впослѣдствіи пришлось неоднократно видѣть туркменскія кибитки и вблизи разсматривать бытъ этихъ дѣтей природы, но, конечно, уже не съ тѣмъ живымъ интересомъ, который внушало это первое посѣщеніе. Когда я подошелъ къ ближайшей кибиткѣ, сидѣвшій передъ ея входомъ съ ломтемъ дыни въ рукѣ пожилой текинецъ съ красивымъ смуглымъ лицомъ, правильнаго очертанія, въ длинномъ темномъ халатѣ поверхъ болѣе свѣтлаго и въ огромной лохматой черной папахѣ и мягкихъ сапогахъ, всталъ и почтительно поклонился, приложивъ правую руку къ шапкѣ.

«Можно къ вамъ зайти?»—Онъ видимо не понималъ порусски, но понялъ мой жѣстъ и, быстро приподнявъ одной рукой войлокъ, закрывавшій входъ въ кибитку, другою указалъ на него. Я, нагнувшись, вошелъ. Переходъ отъ яркаго солнца въ полутѣмъ лишилъ меня на нѣсколько минутъ возможности разглядѣть внутренность кибитки. Мало-по-малу я сталъ различать двѣ сидяшія на землѣ женскія фигуры, изъ которыхъ одна держала на рукахъ ребенка, дальѣе нѣсколько куръ, а въ срединѣ костеръ.

Раньше я подъ кибиткою всегда понималъ родъ повозки. Туркменская же кибитка—это домъ текинца и ничего съ повозкою общаго не имѣетъ. Изъ жердей дѣлаютъ скелеть, разставляя его сѣткою въ плоскости круглаго цилиндра, діаметромъ аршинъ пять—шесть и вышиною аршина три; затѣмъ на цилиндръ наставляютъ крышу въ видѣ усѣченнаго конуса, образуемаго ребрами изъ жердей-же и вышиною аршина два. Эти ребра внизу привязаны къ цилиндрической части и наверху къ кольцу. Все это снаружи покрывается войлоками и обвязывается веревками, затѣмъ еще стѣны снаружи обматываются тростниковыми плетевками—и кибитка готова. Для входа оставляется отверстіе, закрываемое войлокомъ; для выхода дыма оставляется безъ покрытія часть вершины конуса. Полъ покрывается коврами, которые у зажиточныхъ текинцевъ бываютъ замѣчательной красоты, а у богатыхъ иногда кибитка обмотана знаменитыми «дорожками», столь цѣнными нашими дамами для украшенія портьеръ. Женщины, одѣтыя въ длинныя, широкія, напоминающія монашескія, одѣянія изъ верблюжьей шерсти съ бѣлыми платками на головахъ, оставались съ непокрытыми лицами. Но въ этомъ было мало прелести—одна была старуха, другая молодая, но у обѣихъ лица некрасивыя съ широкими носами, большими ртами и узенькими глазками. У текинцевъ не соблюдается обычай, чтобы женщины покрывали лица въ присутствіи чужихъ мужчинъ. Съ большимъ любопытствомъ разглядывалъ я этотъ intérieur красиваго те-

кинца, бывшаго, безъ сомнѣнія, еще недавно бравымъ степнымъ разбойникомъ—грозою персидскихъ купцовъ, а теперь мирнаго подданнаго Вѣлаго Царя. Но для ознакомленія со всею внутреннею обстановкою кибитки не требовалось много времени. Родъ гамака поперекъ кибитки съ груднымъ въ немъ ребенкомъ, небольшая полка, подвѣшенная къ стѣнѣ, съ двумя—тремя глиняными чашками и мѣднымъ кунганомъ (кувшиномъ), очень красивая ковровая сумка съ какими-то съѣстными припасами; на полу—два-три ковра, деревянная скамеечка у костра—вотъ и все.

Распрощавшись съ хозяиномъ, я еще походилъ между безпорядочно разставленными кибитками, рассматривая очень красивыхъ желтыхъ собакъ, на высокихъ ногахъ, съ узкими мордами и длинными пушистыми хвостами, тѣхъ знаменитыхъ текинскихъ борзыхъ, которыя цѣнились каждая выше двухъ плѣнныхъ персовъ; верблюды, съ однимъ и двумя горбами, отдыхали на землѣ, а красивыя небольшія лошадки стояли привязанныя къ кольямъ. Тутъ-же были повозки на двухъ высокихъ колесахъ съ крышею. Два-три раза въ годъ текинецъ разбираетъ свою кибитку, навьючиваетъ небольшой свой инвентарь на верблюда, запрягаетъ въ арбу лошадеу, сажаетъ туда семью, самъ тоже на коня и съ домомъ, чадами, домо-чадцами, овцами, курами и собаками перекочевываетъ на другое мѣсто....

Когда я вернулся на станцію, нашъ поѣздъ уже готовъ былъ къ отходу. Мы опять размѣстились въ послѣднемъ вагонѣ-рѣшеткѣ и двинулись въ путь.

Несмотря на октябрь, день стоялъ жаркій, и изъ подъ поѣзда взвивалась тонкая пыль. Оазисъ остался за нами. Направо отъ насъ тянется высокій голый, какъ-бы застывшій, кряжъ Копетъ-Дага, налѣво—безпредѣльная текинская степь, покрытая пожелтѣвшею уже травкою. Единственное оживленіе этого мертваго пейзажа—нашъ поѣздъ и тамъ вдали такой-же поѣздъ, но не изъ вагоновъ, а изъ верблюдовъ, мѣрно подъ выюками ступающихъ гуськомъ за текинцемъ въ большой мохнатой шапкѣ на маленькомъ конѣ.—Ни деревца, ни куста... Закаспійскіе-же товарищи наши рассказываютъ намъ, что имъ пришлось здѣсь перенести и вытерпѣть, пока удалось сначала проложить рельсовый путь и сдѣлать кое-какія временныя постройки, а потомъ замѣнить ихъ тѣми солидными каменными съ желѣзными фермами мостиками, по которымъ мы проѣзжали, тѣми прекрасными каменными и кирпичными будками и казармами со всеми необходимыми службами, которыя мы видѣли вдоль пути черезъ каждыя шесть верстъ.

На станціи Коджъ намъ прежде всего бросилась въ глаза каменная вилла въ изящномъ тосканскомъ вкусѣ. Оказалось, что это просто-напросто казарма ремонтной артели. Но какая казарма! Стѣны сложены итальянцами, такъ называемою, циклопскою кладкою такъ, какъ только итальянцы умѣютъ ихъ класть. Помѣщеніе артели обширное и въ два свѣта, покрытое сводчатымъ потолкомъ. Да, въ такой комнатѣ можно существовать и въ пятидесяти-градусную жару;—не знаю только, одинаково-ли въ ней хорошо въ короткую, но суровую текинскую зиму. Верхняя терраса на плоской крышѣ оказалась вышкой «на всякій случай». Дѣло въ томъ, что при

постройкѣ дороги еще не было кругомъ такъ «благополучно», какъ теперь, и не ожидали, чтобы такъ скоро удалось достигнуть такого полного умиротворенія.

Подѣзжая къ станціи Бами, замѣчаемъ у подножія горъ довольно хорошо сохранившіяся глиняныя стѣны четырехъ-угольной крѣпости съ башнями по угламъ; около нея кибиточная деревня, зелень, верблюды—мы опять въѣзжаемъ въ оазисъ. И здѣсь прелестную метаморфозу произвела вода, проведенная изъ горъ, и самотокомъ снабжающая станцію. Была пустыня—и въ два-три года—богатая растительность. И здѣсь прекрасный памятникъ культурной дѣятельности строителей дороги—фонтанъ. Скоро за станцію оставляемъ за собою и оазисъ. Вдоль пути то и дѣло встрѣчаются болѣе или менѣе хорошо сохранившіеся остатки крѣпостей, понастроенныхъ храбрыми текинцами для защиты своей независимости. Въ этихъ стѣнахъ они оставляли подъ небольшимъ прикрытіемъ свои семьи со стадами и всѣмъ своимъ имуществомъ, когда совершали набѣги на сосѣдей, въ нихъ-же они укрывались въ случаѣ неудачи, и умѣли драться какъ львы.

Со станціи Бахарденъ мы уже не покидаемъ оазиса, и между горнымъ хребтомъ направо и песками налево тянется вдоль линіи неширокой полосой лѣсовая почва болѣе оживленной растительностью мѣстности. Станціи съ очень хорошенными каменными вокзалами, жилыми домами съ верандами, садами, фонтанами. Деревни попадаютъ довольно часто; то-и дѣло встрѣчаются стада овецъ и караваны двугорбыхъ верблюдовъ. Желѣзная дорога постоянно пересѣкаетъ арки, пропускаемые въ деревянныхъ жолобахъ надъ боковыми канавами.

Станція Геокъ-Тепе! Поѣздъ нашъ приблизился къ развалинамъ огромныхъ и толстыхъ глиняныхъ стѣнъ и остановился. Мы быстро подошли къ развалинамъ и молча всѣ остановились. Кто не ощущалъ въ душѣ какого-то невыразимаго и необъяснимаго смущенія при первомъ посѣщеніи мѣста великаго историческаго событія! Вотъ оно, то грозное Геокъ-Тепе, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ рѣшилась участь турменскихъ степей, оазисовъ и пустынь, столько столѣтій недоступныхъ для европейца! Вотъ, гдѣ 12 января 1881 года бѣлый генералъ «потопилъ въ крови сопротивление турменовъ» послѣ отчаянной ихъ обороны!..... Участникъ боя, служащій на дорогѣ, подробно описывалъ намъ осаду этой обширной крѣпости, въ которой находилось до сорока тысячъ текинцевъ съ женами, дѣтьми и скотомъ, показывалъ мѣсто подкопа и взрыва, рисовалъ намъ ужасную картину штурма Геокъ-Тепе и рѣзни въ немъ.... Посѣтили мы скромный памятникъ, поставленный павшимъ здѣсь нашимъ храбрымъ солдатамъ, и съ пониженными глазами, какъ послѣ похоронъ, пошли къ станціи.

Да! Не легко дается исполненіе культурной миссіи, возложенной въ Средней Азіи на Россію историческою необходимостью!....

Еще два перегона по мѣстности съ прекрасною растительностію, благодаря массѣ изрѣзывающихъ ее арыковъ,—и мы въ Асхабадъ—главномъ городѣ Закаспійской области и мѣстонахожденіи управленія дороги. Городъ, расположенный

вправо отъ желѣзной дороги, между нею и горами, весь утопаетъ въ зелени. Глядя издали на эту растительность и на правильныя линіи зданій Асхабада, трудно вѣрится, что назадъ тому десять лѣтъ здѣсь, кромѣ кибитокъ, ничего не было. У вокзала, который съ честью могъ-бы красоваться въ любомъ большомъ губернскомъ городѣ, стояли опрятныя извозчики пароконныя коляски съ хорошими лошадьми—извозчики большею частью великороссы. По широкой шоссейной дорогѣ, усаженной деревьями, но очень пыльной, поѣхали мы въ городъ. Вообще тонкая бѣлая пыль—единственный недостатокъ Асхабада. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ этотъ юный городъ съ почти пятнадцатитысячнымъ населеніемъ, производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Широкія улицы, большею частію мощенныя или шоссированныя и усаженныя деревьями, достигшими невѣроятнаго для своего молодого возраста развитія; троттуары, каменные домики-особняки, окруженные садами, центральныя улицы съ многочисленными магазинами—все это очень опрятно и привѣтливо.

Особое вниманіе, конечно, прежде всего привлекли магазины, въ которыхъ можно было найти знаменитыя текинскіе ковры. Но тутъ мы впервые съ удивленіемъ увидѣли, что въ Азіи покупки совсѣмъ не дѣлаются тѣмъ порядкомъ, къ которому мы привыкли въ Европѣ. Прежде всего здѣсь почти не встрѣчаешь специальныхъ магазиновъ, съ извѣстнымъ родомъ товаровъ. Въ каждой почти лавкѣ можно найти и съѣстные припасы, и мануфактуру, и посуду, и обувь, и многое другое. Затѣмъ все, что вы видите, довольно плохой товаръ, а хозяинъ и приказчики съ невозмутимымъ восточнымъ спокойствіемъ смотрятъ на васъ. Вы входите, смотрите одно, другое, ощупываете одинъ предметъ, другой,—хозяинъ не двигается съ мѣста и молча покуриваетъ челимъ (кальянъ). «Ковры есть»? Хозяинъ медленно отставляетъ мѣдный челимъ съ длинною трубкою, нехотя подымается, и изъ-подъ стойки выволакиваетъ неважнаго вида коврикъ. «Нѣтъ-ли лучше?»—«Яхши (хорошій)», утверждаетъ текинецъ. «Нѣтъ, яманъ, покажи лучше».—Появляется другой коверъ, нѣсколько лучшій, но не то, что вы желаете. У дверей лавки появляется персеянинъ, манящій вамъ пальцемъ и дающій вамъ понять, что тамъ, гдѣ-то въ сосѣдствѣ есть купецъ, у котораго вы найдете то, что ищете—и вы уходите при полномъ равнодушіи хозяина. Въ лавкѣ, въ которую васъ ведетъ услужливый подданный царя царей Насръ-Эддина, вы находите съ десятокъ ковровъ, разбросанныхъ въ лавчонкѣ и на улицѣ. Тутъ уже наши инженеры смотрѣли товаръ—и ничего не купили—значить, нечего и смотрѣть. Но нашъ проводникъ оживленно что-то трактуетъ съ хозяиномъ, тотъ медленно направляется куда-то вглубь лавки—и вытаскиваетъ прелестный коврикъ—краски такъ и горятъ. Отчего-же онъ его не показалъ первымъ своимъ посѣтителемъ? Не въ торговыхъ нравахъ Азіи—здѣсь подобная торговля ведется съ прохладой, не торопясь, сначала покупатели ориентируются, присматриваются и уходятъ, затѣмъ черезъ день возвращаются, толкуютъ о разныхъ вещахъ, прицѣниваются къ товару, затѣмъ окончательный выборъ, торгъ и покупка. Пока я здѣсь покупалъ коверъ, товарищи, какъ

впослѣдствіи оказалось, нашли отличный коверъ у того самого буппа, у котораго я ничего порядочнаго не могъ найти. Но нужно отдать справедливость буппамъ-текинцамъ, въ нихъ есть достоинство — почти не уступаютъ ничего съ первоначально заявленной цѣны. Зная, что прибудетъ въ Асхабадъ значительное число пріѣзжихъ, они цѣны на свои издѣлія порядкомъ повысили, но торгъ по кавказскому образцу не имѣлъ здѣсь почти никакого результата.

Очень интересна базарная площадь въ Асхабадѣ. Тутъ среди туземныхъ продавцевъ дынь, арбузовъ, винограда, лепешекъ, среди великорусскихъ офеней и армянскихъ разносчиковъ кавказскихъ товаровъ, среди верблюдовъ, яшаковъ (ословъ) и арбъ толпятся представители всевозможныхъ азіатскихъ племенъ въ самыхъ живописныхъ костюмахъ, гадящихъ на всѣхъ нарѣчіяхъ. А въ этой пестрой толпѣ вращаются, какъ у себя дома, наши солдаты, продавая сапоги, покупая арбузы, торгуясь и разговаривая со всѣми этими разноязычными азіатами съ легкостью, которая-бы поразила и говорившаго, какъ гласить преданіе, на тридцати языкахъ ученаго итальянца — Медцофанти.

Въ Асхабадѣ много персовъ и персидскихъ товаровъ, такъ какъ отсюда идетъ шоссейная дорога на Мешхедъ. Тутъ мы нашли очень красивые экземпляры такъ называемой «мешхедской посуды» — бувшины и вазы ажурной работы изъ графита, — встрѣчаемые, впрочемъ, хотя не въ такомъ разнообразіи, на Кавказѣ и даже въ Крыму.

Общественный садъ, уже довольно тѣнистый, общается со временемъ быть украшеніемъ города. Въ Асхабадѣ два клуба — гражданскій и военный. Сначала мы отправились въ первый и присутствовали тамъ при представленіи малороссійской труппы на крохотной сценѣ. Въ военномъ собраніи застали танцы въ полномъ разгарѣ. Помѣщеніе клуба обширное, хорошо устроенное, украшенное очень оригинальными люстрами и канделябрами изъ штыковъ и ружей; оно могло-бы вполне удовлетворить общество каждаго губернскаго города. Глядя на эту оживленную кадриль подъ музыку изъ Периколы, на дамъ въ элегантныхъ модныхъ туалетахъ и на ловкихъ и красивыхъ офицеровъ въ мундирахъ съ иголочки, невольно забываешь, что находишься въ туркменскихъ степяхъ, за 500 верстъ отъ Каспія, въ мѣстахъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не видѣвшихъ европейца. Корпоративное чувство заставило насъ съ удовольствіемъ отмѣтить, что на этомъ асхабадскомъ танцевальномъ вечерѣ жены закаспійскихъ инженеровъ принадлежали къ самымъ хорошеьшимъ изъ танцующихъ дамъ.

Слѣдующій день былъ посвященъ визитамъ мѣстнымъ властямъ и товарищамъ и закончился обѣдомъ съ дамами въ томъ-же военномъ собраніи, даннымъ въ нашу честь управленіемъ Закаспійской дороги. Очень оживленно, много рѣчей, сначала серьезныхъ, затѣмъ юмористическихъ, а въ антрактахъ прекрасная музыка оркестра желѣзнодорожнаго баталіона....

Вообще Асхабадъ произвелъ на насъ самое хорошее впечатлѣніе, которое не изгладилось и въ дальнѣйшемъ путешествіи посѣщеніемъ гораздо бо-

лѣе красиваго и интереснаго города, Самарканда. Но Туркестанъ болѣе двадцати лѣтъ въ нашемъ владѣніи, а здѣсь, въ Асхабадѣ, не забываешь, что находишься на почвѣ, только-что, такъ сказать, завоеванной, а между тѣмъ какъ много сдѣлано для культуры страны, какъ быстро она колонизована и продолжаетъ колонизоваться. Главная причина, мнѣ кажется, въ томъ, что здѣсь каждый русскій сознаетъ, что на немъ лежитъ извѣстная миссія,—и онъ здѣсь энергичнѣе, дѣятельнѣе, чѣмъ у себя дома. Хотя-бы съ водою и растительностью. Какъ мало дѣлается у насъ въ Европейской Россіи по части ирригаціи и лѣсо-разведенія. А здѣсь вездѣ первымъ дѣломъ копаются кырызы, проводятся арыки, укладываются водопроводы, разводятся деревья и кусты. И благодарная почва сторицею вознаграждаетъ эти труды, а кочевые разбойники-текинцы превращаются въ неимовѣрно быстрое время въ мирныхъ поселянъ и огородниковъ. Конечно, тутъ весьма важную, если не первую, роль играетъ и русскій народный характеръ. Немедля послѣ кровавой борьбы—слѣдуетъ самое мирное и добродушное сожителство русскихъ завоевателей съ покоренными туземцами. Съ необходимою въ обращеніи съ полудикими азіатами строгостью и рѣшительностью соединяется справедливость, уваженіе къ мѣстнымъ обычаямъ и правамъ и природное добродушіе. Если къ этому еще прибавить свойство русскаго человѣка быстро осваиваться съ мѣстными условіями, при-норавливаться къ нимъ и устраивать соотвѣтственно свою жизнь, то станетъ понятнымъ, что тогда, какъ, напримѣръ, англичане до сихъ поръ, послѣ столѣтняго владычества, въ Индіи ненавистные для туземцевъ пришельцы—русскіе въ туркменскихъ степяхъ уже теперь живутъ бокъ-о-бокъ съ текинцами и между ними, какъ у себя дома.

Оставляя за собою Асхабадъ съ его новыми кварталами изъ каменныхъ домовъ, населенныхъ европейцами, и болѣе старыми—съ туземными глиняными мазанками, мы вмѣстѣ съ тѣмъ оставляемъ вскорѣ за собою и всю растительность, прорѣзывая до станціи Гяурсъ песчаные языки пустыни, доходящей здѣсь почти до подножія горъ. Опять на каждой почти верстѣ развалины туркменскихъ укрѣпленій. Воды не видать.

Между станціями Артыкъ и Душакъ линія проходитъ по густонаселенному Атекскому оазису. Сначала мѣстность напоминаетъ южно-русскія степи, только нужно добавить живописную цѣпь Копетъ-Дога съ юго-востока; затѣмъ растительность становится богаче, на каждомъ шагу деревня, а станція Какха—центръ оазиса—уже потопаетъ въ растительности, снабженная самоточною горною водою. Это ближайшій на всей Закаспійской желѣзной дорогѣ пунктъ къ Персіи; изъ вагоновъ можно различать плосккрышіе дома персидскаго города Лютфабада. Постройки на станціяхъ и по линіи большею частью изъ обожженного кирпича, но встрѣчаются и сырцовыя. Эти постройки довольно опасны изъ-за термитовъ. Термиты въ этой мѣстности съ глиняной почвой—настоящій бичъ человѣка. Они, не только, уничтожая дерево, заставляютъ инженеровъ бдительно слѣдить за состояніемъ даже недавно уложенныхъ шпаль, но и разрушаютъ глиняныя

постройки, и въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность особенно опасна тѣмъ, что она скрыта отъ глазъ. Живешь себѣ въ сырцовомъ или деревянномъ домѣ, все обстоитъ благополучно—и вдругъ домъ рушится—термиты источили внутренность стѣнъ! Станція Душакъ, съ небольшимъ кирпичнымъ станціоннымъ зданіемъ и недавно разбитымъ, но уже прекрасно разросшимся паркомъ, самый южный пунктъ дороги, которая здѣсь мѣняетъ свое юго-восточное направление на восточное, направляясь въ Тедженскій оазисъ. Отсюда до границы интереснаго Афганистана очень близко—верстъ двѣсти.... Горы уходятъ все болѣе направо, растительность исчезаетъ, наносные пески, и мы переѣзжаемъ черезъ рѣку Тедженъ по одному изъ немногочисленныхъ на Закаспійской дорогѣ болѣе значительныхъ мостовъ. Во время постройки дороги, въ 1886 году, рѣка Тедженъ, текущая изъ Афганистана, со своими болотистыми берегами представляла серьезное препятствіе для быстрой укладки пути, такъ что пришлось при полномъ разливѣ поспѣшно выстроить полудеревянный, полужелѣзный временный мостъ, а уже три года спустя, построили рядомъ новый мостъ на кессонахъ. Опять безводные пески и пески. Кое-гдѣ кустикъ саксаула. Горы ушли вдаль, покрытыя синеватою дымкою. Не смотря на октябрь, солнце жжетъ порядочно. Человѣческихъ жилищъ не видно. Изрѣдка попадаются караваны—впередъ на яшакѣ текинцевъ, а за нимъ восемь, десять одnogорбыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ товарами. Такъ тянется дорога свыше семидесяти верстъ. Но вотъ мѣстность начинаетъ оживляться, изъ кустарниковъ взлетаютъ группы куропатокъ, начинаютъ появляться ручейки, арыки—мы уже въ Мервскомъ оазисѣ и приближаемся къ долинѣ Мургаба, которая беретъ свое начало въ сѣверномъ Афганистанѣ. Появляются кибитки, стада барановъ, арбы съ текинцами. Мервъ!

Сколько таинственной прелести въ этомъ имени! Мы приближаемся къ этой древней азіатской столицѣ, разсказами о великолѣпн и обширности которой наполнены средневѣковыя писанія арабовъ и персовъ. Увы, мы найдемъ однѣ развалины! Но какое своеобразное чувство вами овладѣваетъ, когда вы, несясь на парахъ по Мервской степи въ удобномъ желѣзнодорожномъ вагонѣ, вспоминаете, что еще такъ недавно сюда не могъ проникнуть ни одинъ европеецъ. Безстрашный Вамбери въ шестидесятихъ годахъ обошелъ тщательно Мервъ, а отважный англійскій корреспондентъ О'Донаванъ, забравшійся сюда въ 1881 году, еле-еле изъ Мерва могъ выбраться живымъ. Растительность становится все лучше, попадаются воздѣланные поля, деревья, группы всадниковъ. Затѣмъ начинаютъ встрѣчаться деревни, глиняныя домики съ плоскими и куполообразными крышами. Поля тщательно обработаны, населеніе довольно густое.... Станція Мервъ. Большой красивый каменный вокзалъ, окруженный зеленью, примыкаетъ непосредственно къ русскому Мерву—городу, существующему лишь пять-шесть лѣтъ и расположенному у лѣваго берега Мургаба;—туземный-же Мервъ тянется по правому берегу. Коляска, вѣсколько хуже асхабадскихъ, но все-таки довольно сносная, свезла насъ въ центръ торговаго города. Прямые улицы, обсаженные деревья-

ми, уже хорошо разросшимися, хорошенькие одноэтажные кирпичные дома съ плоскою крышею; лавка за лавкою. При этомъ замѣчается обычная на востоѣ группировка ремесленниковъ по цехамъ. Лавка сапожника, такъ за нею идутъ четыре, пять, шесть такихъ-же лавокъ съ сапожниками. Поровнялись со скорнякомъ, — и передъ вами дѣлая линія черныхъ мерлушекъ. Потомъ идутъ ковры—чудные текинскіе ковры. Но и тутъ нужно извѣстное усиліе, чтобы показали вамъ лучший товаръ. Очень интересны туземныя гостинницы—караванъ-саран. Большое четырехъ-угольное зданіе, большею частью угловое. По улицѣ помѣщенія подъ лавки. Лавки эти—большія, высокія клѣтки безъ оконъ и дверей. Три стѣны, а вмѣсто передней стѣны—отверстіе, закрываемое на-ночь деревянными ставнями. Такимъ образомъ вы видите все, что дѣлается въ лавкахъ. Но встрѣчаются и со стеклянными дверями—вліяніе Европы. Вмѣсто одной лавки—проходъ во дворъ. Дворъ четырехъ-угольный, мощный, большею частью съ колодцемъ посерединѣ. Окружаютъ его четыре стороны дома, имѣющаго во дворъ два этажа. Вдоль второго этажа идетъ деревянная, узкая, открытая галлерей, съ которой во дворъ идутъ лѣстницы. Оба этажа состоятъ изъ отдѣльныхъ комнатъ, образующихъ собою номера этой восточной гостиницы. Каждая комната имѣетъ окно и дверь, ведущую во второмъ этажѣ на галлерей, а въ первомъ прямо во дворъ. Мебели никакой. Каждый путешественникъ везетъ ее съ собою въ видѣ сѣдла и двухъ-трехъ ковровъ. На каждой двери номеръ и мѣломъ написанное имя занимающаго его пріѣзжаго. Во дворѣ отдыхаютъ верблюды, яшаки, кормятся изъ торбы лошади, свалены тюки товаровъ.

Осмотрѣвъ недавно заложенный, но многообѣщающій паркъ и почти оконченное зданіе подъ клубъ, мы вернулись на станцію. Только-что прибылъ поездъ изъ Бухары и оживленіе большое. Выгружаютъ тюки хлопка, шелка, изъ всѣхъ вагоновъ выходятъ текинцы, бухарцы, персы, афганцы. На нѣкоторыхъ вагонахъ замѣчаемъ надпись: «для мусульманъ». Это вагоны третьего класса, приспособленные къ магометанскимъ нравамъ. Входъ не съ поперечной стѣны, а съ продольной. Въ серединѣ желѣзная печь, а кругомъ низкая деревянная платформа. На нее настилаютъ мусульмане ковры и садятся, скрестивъ ноги по своей привычкѣ. Для женщинъ—отдѣльное помѣщеніе съ такою-же платформою вдоль поперечной стѣны вагона. Мервъ имѣетъ будущность. Отъ него, вѣроятно, пойдетъ не въ очень отдаленномъ времени желѣзная дорога во враждебный намъ теперь Афганистанъ, а предпринятые оросительныя работы увеличатъ его населенность.

Проѣхавъ по временному деревянному мосту черезъ Мургабъ, но замѣтивъ, къ своему успокоенію, что рядомъ уже строится новый мостъ по индійскому фасону на желѣзныхъ колоннахъ, мы движемся среди роскошной растительности и довольно густого населенія. Встрѣчаемъ переѣзды съ барьерами—большая рѣдкость на этой почти полуторатысячной линіи, на которой понадобилось всего двадцать переѣздовъ, охраняемыхъ сторожами. Мѣстность

принимает солончаковый характеръ. Высокій камышъ. По желѣзному мосту переѣзжаемъ черезъ Дохтамышскій каналъ — главный оросительный каналъ на востокъ отъ Мургаба; онъ снабжаетъ живительною влагою все восточное ханство. Передъ крѣпостью Байрамъ-Али мы прорѣзываемъ развалины древняго Мерва. Древній Мервъ—Шахиджанъ въ средніе вѣка славился своимъ богатствомъ и правильно организованною системою орошенія. Теперь, куда глазъ глядитъ,—развалины въ пустынь. Все это были мечети, дома, башни, караванъ-сарай, бани, а теперь—это груды глины, ни одного цѣлаго зданія. Только кое-гдѣ сохранился сводъ надъ бывшею банею или изящная заостренная кверху арка съ остатками синей глазури. Близъ станціи Байрамъ-Али выстроены по проектамъ петербургскаго архитектора профессора Шреттера въ самаркандскомъ вкусѣ великолѣпныя кирпичныя зданія для администраціи государева Мургабскаго имѣнія. Бетонные своды, корридоры въ два свѣта, вентиляціонныя устройства—все, что можно было придумать для ослабленія непріятностей знойнаго лѣта, здѣсь примѣнено. За станціей Байрамъ-Али кончается Мервскій оазисъ, самый населенный и богатый изъ оазисовъ, по которымъ мы проѣхали. Онъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе оживится по окончаніи предпринятыхъ на Мургабѣ оросительныхъ работъ.

Опять голая желтая степь. Кое-гдѣ еще видѣнъ арыкъ. На станціяхъ и въ пути вмѣсто кирпичныхъ начинаемъ встрѣчать фахверковыя постройки. Мѣстность становится все болѣе пустынною и неприглядною. Выжженная трава. Воды не видно. Издали пока зываются желтые холмы съ пологими откосами на сѣверъ и сѣверо-востокъ и крутыми къ югу и юго-западу. Это барханы. И вотъ уже нашъ поѣздъ несетъ насъ по самому страшному участку дороги, по участку, на протяженіи болѣе ста семидесяти верстъ прорѣзывающему сыпучіе пески Кара-Кума. Кара-Кумъ—черные пески! Ни живой души, ни травинки. Куда ни глянешь—холмы сыпучаго песку. Этотъ тончайшій песокъ барханъ переносится вѣтромъ съ большою легкостію съ мѣста на мѣсто и часто заноситъ путь. Поѣздамъ приходится иногда останавливаться до расчистки песчаныхъ наносовъ, какъ у насъ зимою въ снѣжныхъ заносахъ. Но это не главная здѣсь опасность для желѣзной дороги, а опасно, когда вѣтеръ выдуваетъ песокъ изъ-подъ шпалъ. Не смотря на свою удобоподвижность, песокъ Кара-Кума такъ плотенъ, что вы свободно ходите по барханамъ, еле оставляя слѣдъ отъ ноги. И станціи носятъ здѣсь соотвѣтственныя названія: «Пески», «Барханы».

Какія страшныя усилія строители должны были употребить, чтобы проложить почти двѣсти верстъ рельсоваго пути черезъ эту средне-азіатскую Сахару, по которой прежде приходилось бухарскимъ купцамъ съ большими опасностями и трудностями путешествовать болѣе недѣли!

За станцію Репетекъ мы временно оставляемъ почву отечества и вступаемъ во владѣнія Его Высочества Бухарскаго Эмира, пользующагося покровительствомъ Россіи. Но мѣстность не измѣнилась—все тѣ-же унылые

барханы, все та-же удручающая картина застывшихъ волнъ безбрежнаго песчаного моря.....

Наконецъ, опять слѣды наносной почвы, появляются кусты саксаула, а затѣмъ и трава; еще дальше—обработанныя поля, деревья, издали показываются плоскія крыши домовъ большаго бухарскаго города Чарджуя,—въ воздухѣ ощущается свѣжесть, блеснула вода—мы приближаемся къ Аму-Дарьѣ.

Аму-Дарья—древній Оксусъ, какъ извѣстно, беретъ свое начало на высотахъ Памира, и по длинѣ своего теченія и обилію водъ изъ европейскихъ рѣкъ съ нею могутъ помѣряться лишь Волга и Дунай. Но это капризнейшая изъ рѣкъ, и, чтобы совладать съ нею, человѣкъ долженъ употребить гигантскія усилія. Когда весною на вершинахъ Памира таютъ снѣга—Аму-Дарья имѣетъ глубину болѣе двадцати футовъ и, разливаясь шириною до четырехъ верстъ, вполне оправдываетъ свое названіе «Рѣка-Море». Затѣмъ къ осени—это быстрая рѣка съ мутно-желтыми волнами, шириною въ главномъ руслѣ болѣе двухъ верстъ, а зимою рѣка совсѣмъ мелѣетъ и замерзаетъ. При этомъ очертаніе береговъ, острововъ, русла и направленіе фарватера въ этой глиноземной рѣкѣ постоянно мѣняются. До береговъ Оксуса дошли съ постройкою дороги къ осени 1886 года. А какъ дальше? Обычные способы переходовъ черезъ рѣки къ этой до невозможности непостоянной и почти неизслѣдованной громадной рѣкѣ примѣнять было очень опасно. Явилась масса разныхъ проектовъ, самыхъ смѣлыхъ, самыхъ оригинальныхъ. Но проекты проектами, а вѣдь надо идти съ дорогою впередъ на Бухару и Самаркандъ. Рѣшили пока остановиться у Чарджуйскаго берега, переправить помощью парома строительные матеріалы на правый берегъ и оттуда продолжать постройку дороги. На одну переправу всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ черезъ Аму-Дарью по исчисленіямъ требовалось до 300,000 рублей. И вотъ главный инженеръ постройки Рудневъ предложилъ, вмѣсто затраты этихъ денегъ на приобрѣтеніе парома и на перевозку матеріаловъ черезъ рѣку построить на эти-же деньги и для той-же цѣли временный деревянный мостъ. Эта мысль была принята, и такимъ образомъ возникъ этотъ знаменитый Аму-Дарьинскій мостъ, длиною почти двѣ съ половиною версты, къ которому мы теперь приближались.

Поездъ шелъ тихимъ ходомъ съ закрытымъ въ паровозѣ поддуваломъ. Надписи въ вагонахъ предупреждали о запрещеніи курить во время переѣзда черезъ мостъ. Берега совершенно плоскіе, глинистые, вода мутно-желтая, быстрая. Сначала проѣзжаемъ самый широкій рукавъ, шириною болѣе полуторы версты, который при постройкѣ моста былъ главнымъ, затѣмъ слѣдуютъ одинъ за другимъ три рукава разной ширины, раздѣленные другъ отъ друга низменными островами, покрытыми болотными растеніями. Главный рукавъ теперь у праваго берега и цѣлымъ рядомъ полузапрудъ. Инженеры стремятся дать этому рукаву извѣстную правильность. Надзоръ за громаднымъ деревяннымъ мостомъ на полуторѣ тысячахъ свай—самый бдительный. Дѣлаются постоянные промѣры, и чуть замѣчается какая-нибудь промонна, ее засыпаютъ камнемъ; нѣ-

сколько артелей плотниковъ постоянно работаютъ надъ поддержаніемъ частей моста въ исправности; на Чарджуйскомъ берегу устроена пожарная станція съ паровымъ насосомъ. Тѣмъ не менѣе мостъ этотъ слѣдуетъ считать временнымъ и благовременно готовиться къ постройкѣ постоянного моста, для чего, конечно, потребуется два-три года и много денегъ; техническихъ-же препятствій при современномъ состояніи мостовой техники къ постройкѣ такого моста не представляется.

Послѣ ужасныхъ песковъ Кара-Кума видъ Аму-Дарьинскихъ водъ дѣйствуетъ самымъ освѣжающимъ образомъ. Проѣхавъ рѣку, поѣздъ останавливается на станціи Фарабъ. Очень хорошенкое пассажирское зданіе въ арабскомъ вкусѣ, украшенное темно-синюю маіоликою. У зданія прекрасный паркъ; красивые жилые дома. На платформѣ масса народу. Только изрѣдка попадаются барашковые шапки и темные шерстяные халаты туркменовъ, преобладаютъ-же бѣлыя чалмы и пестрые шелковые халаты бухарцевъ. Въмѣсто строгаго воинственнаго типа кочеваго туркмена — подвижныя, полумонгольскія полусемитическія лица сартовъ-купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ.

Въ толпѣ замѣчаемъ и нѣсколько женщинъ; но ихъ лицъ мы уже не видимъ, онѣ покрыты черною чадрою, сдѣланною изъ волосяной густой ткани. За Фарабомъ опять тянутся версты двадцать пять пески. Довольно хорошо сохранившіяся развалины и высохшіе арыки свидѣтельствуютъ о томъ, что сравнительно недавно здѣсь была вода, а съ нею и жизнь. Нигдѣ человеку природа не проповѣдываетъ на каждомъ шагѣ такъ осязательно, такъ убѣдительно жизненное для него и для всего живущаго значеніе воды, какъ въ этихъ среднеазиатскихъ степяхъ съ ихъ лёссовою почвою. Нѣтъ воды — пески, барханы, безжизненная пустыня; чуть-гдѣ капля воды — и около нея сейчасъ зелень, деревья, животныя, люди, жизнь и процвѣтаніе!

Но эти пески послѣдніе на нашемъ пути, и за станцію Хаджи-Давлетъ мы въѣзжаемъ въ долину рѣки Заравшана — «раздавателя золота». И это вполне заслуженное названіе. Мы теперь проѣзжаемъ по плодороднѣйшему и наилучше воздѣланному краю, какой себѣ только можно представить. Поля всѣ нивелированы съ однообразнымъ небольшимъ скатомъ, имѣя съ верхней стороны оросительныя канавки. Поле примыкаетъ къ полю крутымъ откоскомъ, футъ или полтора вышиною; издали мѣстность имѣетъ видъ шахматной доски. На поляхъ рисъ чередуется съ сорго, табачныя плантаціи съ хлопчато-бумажными. Хлопокъ низкими, темно-коричневыми кустами съ пробивающимися бѣлыми хлопьями покрываетъ большія пространства. Появляются прекрасныя рощи, затѣмъ деревни — масса глиняныхъ желтыхъ домиковъ съ плоскими крышами, окруженныхъ каштановыми и персиковыми деревьями. Все это изрѣзано оросительными каналами, проведенными отъ Заравшана. По пыльнымъ дорогамъ — большое движеніе. Въ большихъ двухъ-колесныхъ арбахъ цѣлыя семейства съ многочисленнымъ скарбомъ. А вотъ цѣлая группа бухарцевъ верхами на

яшабахъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ терпѣливыхъ созданій сидятъ по два бухарца, или бухарецъ, а за нимъ бухарка, сидящая по-мужски. Все это въ разноцвѣтныхъ халатахъ, высокихъ мягкихъ сапогахъ съ загнутыми вверхъ остроконечными передками и въ бѣлыхъ чалмахъ, женщины—неизмѣнно въ свѣтло-синей мантии и черной чадрѣ. Встрѣчаются и всадники въ богатыхъ парчевыхъ халатахъ съ шашками, на красивыхъ текинскихъ или персидскихъ коняхъ, богато взнузданныхъ и покрытыхъ вышитыми шелками чепраками....

Станція Кара-Куль. Вотъ удобный случай приобрести «изъ первыхъ рукъ» нѣсколько знаменитыхъ каракуль на воротникъ и шапку! И дѣйствительно, среди галдящихъ на перронтъ сартовъ двое предлагаютъ купить у нихъ черныя какъ смоль мерлушки. Вы прельщаетесь и, не особенно торгуясь, покупаете, и, если вы не знатокъ сего товара, будете за это наказаны. Во-первыхъ, въ Бухарѣ полагается торговаться, почти какъ на Кавказѣ, то есть предлагать приблизительно четверть затребованной цѣны, а затѣмъ, привезши домой свои каракули, вы, къ ужасу вашему, замѣтите, что они обончательно порыжѣли, а отъ скорняка узнаете, что послѣ надлежащей обработки ваши каракули будутъ имѣть приблизительно половину той цѣны, которую вы за нихъ дали «на мѣстѣ».

Дальнѣйшее путешествіе по странѣ дружественнаго намъ эмира совершается все при той-же цвѣтущей и оживленной обстановкѣ среди густаго населенія. Послѣ нѣсколькихъ часовъ издали на плоской мѣстности показались неопредѣленные очертанія множества разнообразныхъ строеній, башенъ, куполовъ—это Бухара—главный городъ ханства и столица эмира, удаленный отъ насъ верстахъ въ пяти. Но поѣздъ не останавливается. Что-же это такое? Намъ объясняютъ: когда три года тому назадъ строили дорогу черезъ эту чуждую намъ страну, еще опасались фанатизма толпы и считали болѣе благоразумнымъ расположить станцію подальше отъ столицы—верстахъ въ двѣнадцати. Въ настоящее время жалѣютъ объ этомъ. Бухарцы сживаются съ каждымъ днемъ все болѣе съ русскими и счумѣли быстро оцѣнить значеніе желѣзной дороги для земледѣлія и торговли своей страны—и проявленія фанатизма не встрѣчаются. Безъ сомнѣнія, существуютъ и среди бухарцевъ, въ особенности стариковъ и уллемъ, недружелюбно глядящіе на неправовѣрныхъ иноземцевъ, но они въ меньшинствѣ.

Станція Бухара! Не правда-ли, странное сочетаніе двухъ словъ, принадлежащихъ одно—реалистическому западу XIX вѣка, другое—сказочному востоку?

На платформѣ масса народу—оживленные лица, жестикуляція руками, пестрые халаты, бѣлыя чалмы. Намъ представляются нѣсколько бухарскихъ чиновниковъ въ богатыхъ парчевыхъ халатахъ. Эмира въ столицѣ нѣтъ, онъ въ одной изъ своихъ загородныхъ лѣтнихъ резиденцій, такъ что мы не увидимъ Его Высочествова, а чиновникамъ этимъ поручено насъ принять,

показать намъ столицу и пригласить отъ имени эмира на достарханъ. На станціонномъ дворѣ стоялъ длинный рядъ придворныхъ экипажей. Экипажи самого разнообразнаго вида: кареты, коляски, дрожки, англійскія mail-coach. Въ нихъ запряжены очень хорошія лошади четвереками пугомъ à la Daumont, такъ что козлы оставались пустыми, и на каждую пару приходилось по одному верховому фореитору въ халатѣ и чалмѣ. У каждого экипажа по одному или по два верховыхъ джигита въ пестрыхъ, красивыхъ халатахъ и богато расшитыхъ разноцвѣтными шелками желтыхъ замшевыхъ широчайшихъ шароварахъ. Мы успѣли въ экипажи, эмирскіе чиновники—на коней. Старшій джигитъ съ нѣсколькими товарищами поскакалъ во главѣ кортежа. Впередъ! Кучера съ гикомъ ударили нагайками по конямъ, и мы повеселись въ карьеръ по бухарскому пыльному шоссе. Группа пестрыхъ джигитовъ на рѣзвыхъ коняхъ впереди, молодецкіе фореиторы съ длинными нагайками на коняхъ, длинный пугъ разнокалиберныхъ экипажей, окруженный пышно одѣтыми и лихо скачущими на богато убранныхъ коняхъ чиновниками и джигитами въ бѣлыхъ чалмахъ, изящно повязанныхъ вокругъ головы—все это мчащееся съ бѣшеною быстротою среди облаковъ тончайшей пыли,—картина чрезвычайно оригинальная и живописная, въ которую наши темные, трезвые путевскіе мундиры вносили только диссонансъ. Да, неслись мы! Нужно было держаться за экипажъ, чтобы не вылетѣть. Намъ, русскимъ, не привыкать къ бѣшеной ѣздѣ, но въ виду не безукоризненнаго шоссе и не полной нашей увѣренности въ исправности осей и колесъ нашихъ экипажей и въ виду страшной пыли—намъ былъ желателенъ болѣе спокойный аллюръ. Но это было бы противно этикету. Чѣмъ шибче, чѣмъ больше пыли,—тѣмъ почетнѣе. Вокругъ загородные дома, огороды такъ и мелькаютъ; проѣзжаемъ мимо высокихъ глиняныхъ стѣнъ, окружающихъ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ эмира. Мы его посѣтимъ на обратномъ пути. Появляются первые домишки предмѣстія столицы—маленькія глиняныя хижинны безъ оконъ, съ плоскими крышами; затѣмъ караванъ-сарай, нѣсколько лавокъ, харчевня. А вотъ и стѣны, окружающія весь городъ, и мы въѣзжаемъ въ городскія ворота, у которыхъ отдаетъ намъ честь стража. Ворота эти на ночь запираются, и тогда ни одинъ бухарецъ не выпускается и не выпускается.

Лишь только мы въѣхали въ городскую улицу, главную, но такую узкую, что развѣхаться двумъ встрѣчнымъ экипажамъ невозможно, мы помчались съ прежнею быстротою. «Явашъ, явашъ (тише)!» кричимъ мы фореиторамъ, но тщетно. Мирно сидящіе у пороговъ своихъ обитателей бухарцы поспѣшно вскакиваютъ и бросаются въ дома, попадающіеся на встрѣчу всадники сворачиваютъ въ ближайшій переулокъ, а пѣшеходы пластомъ прижимаются къ домамъ, чтобы насъ пропустить. Впрочемъ, нѣтъ опасности встрѣтить экипажи. Кромѣ эмирскихъ, въ которыхъ мы ѣхали, во всей Бухарѣ, имѣющей свыше 80,000 жителей, нѣтъ экипажей. Движеніе производится пѣшкомъ, верхомъ на коняхъ или яшакахъ, а изрѣдка встрѣчаются и двухколесныя арбы.

Только когда мы въѣхали въ еще болѣе узкую улицу, такую узкую, что крылья болѣе широкихъ изъ нашихъ экипажей почти касались фасадовъ домовъ—мы поѣхали по-тише, что намъ даетъ возможность удобнѣе разсматривать знаменитую среднеазіатскую столицу.

Узкія извилистыя улицы, безъ троттуаровъ и вымощенныя огромными булыгами, съ обѣихъ сторонъ ограждены высокими гладкими глиняными стѣнами. Въ стѣнахъ этихъ только тяжелыя двери или ворота и лишь изрѣдка небольшое окошечко съ рѣшеткою. Это жилые дома—окна ихъ всѣ обращены во внутренній дворъ. Время отъ времени мечеть съ башнею и деревянною колоннадою. Тоненькія колонны выкрашены въ разные цвѣта. Довольно часто лавка съ разною утварью. На улицѣ никакой растительности. У нѣкоторыхъ мечетей—площадь, посерединѣ съ бассейномъ, окруженнымъ тополями и каштанами, подъ которыми лежатъ и сидятъ, скрестивъ ноги, бѣлобородые чалмоносцы. На улицахъ большое движеніе пѣшеходовъ, мужчинъ въ пестрыхъ халатахъ, женщинъ въ черныхъ чадрахъ и свѣтло-синихъ шерстяныхъ плащахъ. Приближаясь къ центральной части города, лавки все учащаются, и наконецъ, вся улица—одинъ базаръ. Лавка примыкаетъ къ лавкѣ, узкая и глубокая;—на улицу одно большое отверстіе, въ которомъ сидитъ продавецъ среди своего товара. На-ночь это отверстіе закрывается ставнями.

Для защиты отъ палящаго солнца поперекъ улицы по жердямъ развѣшаны камышевыя плетенки и паласы, такъ что образуются крытыя галереи. Шумъ и тѣснота все увеличиваются. Воздухъ пропитанъ запахомъ кожи, кунжутнаго масла и Богъ вѣсть еще чего,—во всякомъ случаѣ для европейскаго носа весьма непріятнаго. И опять раздѣленіе по цехамъ, по восточному обычаю. Мы въ ряду мѣдныхъ издѣлій и оружія—лавка за лавкою переполнена самыми разнообразными чашками, кунганами, челимами (кальянъ), оружіемъ изхѣлія бухарскаго, кашгарскаго и афганскаго. Попадаются прелестныя вещицы какъ по формѣ, такъ и по отдѣлкѣ. Останавливаемся передъ харчевнею. Она вся на улицѣ. На небольшой плиткѣ стоятъ на огнѣ два-три мѣдныхъ, блестящихъ котельца, передъ ними бухарецъ весь въ бѣломъ, съ засученными рукавами, палочкою покупателю накладываетъ на глиняную миску какую-то кашицу. Видъ довольно опрятный, но запахъ непріятный. А вотъ мы среди халатовъ—бѣлые, зеленые и голубые, бѣлые съ цвѣтными полосками, парчевые съ цвѣтами, шелковые гладкіе, какіе душѣ угодно.—Халатъ—эмблема Азіи. По халату узнаютъ здѣсь общественное положеніе человѣка, его рангъ, халаты подносятъ въ знакъ уваженія высокопоставленнымъ лицамъ, халатами мѣряютъ температуру. «Сегодня холодъ въ пять халатовъ», говорятъ въ Бухарѣ, когда мы въ Европѣ говоримъ «сегодня +10 градусовъ мороза». Дальше идутъ кожевенныя издѣлія—мягкіе бухарскіе сапоги съ вышитыми задками и тонкими подошвами; твердые какъ дерево башмаки—въ родѣ нашихъ галошъ, которые одѣваются на улицѣ поверхъ сапоговъ и снимаются передъ входомъ въ комнату.

Идемъ дальше. Какіе-то странные люди, безбородые съ желтыми лицами, какими-то татуированными знаками на лбу, длинными черными волосами, въ маленькихъ шапочкахъ и бѣлыхъ платьяхъ сидятъ на стойкахъ передъ грудами серебряной и мѣдной манеты—это мѣнялы-индусы, изгнанные за ростовщичество изъ Туркестана и пріютившіеся здѣсь въ большомъ числѣ. А тамъ разноцвѣтные, мохнатые бухарскіе ковры. Бухарскіе самые дешевые изъ среднеазиатскихъ ковровъ. Самыми цѣнными считаются текинскіе, затѣмъ идутъ персидскіе, смирненскіе, іомудскіе и другіе; а вотъ и знакомыя намъ издѣлія московской мануфактуры. Какъ извѣстно, русскія издѣлія на среднеазиатскихъ рынкахъ почти совершенно вытѣснили другія европейскія издѣлія, и имъ, безъ сомнѣнія, предстоитъ еще большее поле, въ особенности, если качество ихъ улучшится. У лавокъ толпится много народу, и каждый что-то выкрикиваетъ, что-то продаетъ. Вообще, какъ будто всѣ продаютъ, и неизвѣстно кто собственно покупаетъ. Кое-гдѣ въ толпѣ встрѣчаются невозмутимыя фигуры съ большими палками въ рукахъ—это полицейскіе. Одна изъ главныхъ ихъ обязанностей—слѣдить за тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ ночи ни одинъ бухарецъ не показывался изъ своего жилища, при чемъ, въ случаѣ надобности, авторитетныя ихъ распоряженія подкрѣпляются упомянутыми палками.

Центръ города—регистанъ—главная площадь. На ней стоитъ медресе—духовное училище—большое четырехъ-угольное зданіе съ круглыми башнями по угламъ и величественнымъ среднимъ порталомъ, перекрытымъ свойственнымъ азіатскимъ зданіямъ остроконечнымъ сводомъ.

По фасаду зданіе раздѣлено на два яруса, перекрытыхъ подобными-же сводами только меньшихъ размѣровъ. Въ каждомъ ярусѣ два этажа, такъ что все медресе четырехъ-этажное. Хотя все зданіе и хорошо сохранилось, но большая часть штукатурки обвалилась, а отъ прежней богатой маюлики, украшавшей стѣны, остались только жалкіе остатки. Внутри зданія нѣсколько большихъ дворовъ съ колодцами. Въ медресе не только преподаютъ юношеству грамоту и коранъ, но учителя и ученики тамъ имѣютъ свое жилье въ небольшихъ кельяхъ съ дверью на корридоръ и небольшимъ окошечкомъ надъ дверью. Внутреннее устройство кельи довольно скромное. Потолокъ изъ раскрашенныхъ жердей, положенныхъ поперекъ балокъ, стѣны бѣлѣныя; въ нихъ нѣсколько нишъ, въ которыхъ стоитъ кой-какая утварь и нѣсколько книгъ. Полъ устланъ камышевою плетенкою и поверхъ ея одинъ или два коврика. Вошедши въ одну изъ келій, я засталъ бухарскаго студіозуса, лѣтъ четырнадцать или пятнадцать съ красивымъ нѣсколько женоподобнымъ лицомъ, въ полосатомъ зелено-черномъ шелковомъ халатѣ и маленькой цвѣтной шапочкѣ. Онъ сидѣлъ на коврикѣ, скрестивъ ноги, передъ нимъ стояла невысокая скамеечка, и онъ палочкою тщательно выводилъ тушью на четвертушкѣ желтой толстой бумаги красивыя арабскія письма. Привѣтливо кивнувъ головою, онъ продолжалъ писать, потомъ показалъ мнѣ молча свои книги, всѣ писанныя великолѣпнымъ ровнымъ

почеркомъ по пергаменту, и затѣмъ угостилъ меня грушею и виноградомъ, которые взялъ изъ сѣточки, подвѣшенной къ потолку. Я ему, съ своей стороны, предложилъ механическій карандашъ, выскакивающій при надавливаніи сверху, показавъ способъ пользованія имъ. Онъ сначала удивленно смотрѣлъ своими большими темными глазами на эту хитрую штуку, но скоро понялъ ее—и, весело смѣясь, сталъ съ нею возиться....

На региставѣ-же стоитъ и башня-тюрьма эмира, въ которой одно окошечко имѣетъ специальное значеніе: изъ этого окошечка выбрасываются приговоренные къ смерти большіе преступники, тогда какъ надъ менѣ важными смертная казнь совершается на площади перерѣзаніемъ горла. Послѣдній способъ смертной казни въ послѣднее время, благодаря представленіямъ нашего политическаго агента въ Бухарѣ, сдѣлался рѣдкимъ. По пыльнымъ узкимъ, извилистымъ улицамъ, наполненнымъ народомъ, верблюдами, нагруженными хворостомъ и тюками, яшаками, не встрѣчая ни одного европейца, направляемся мы къ «ельчи-хане»—посольскому дворцу, гдѣ насъ ждетъ угощеніе отъ Его Высочества. Въ Бухарѣ проживаетъ очень немного европейцевъ—комиссіонеровъ и приказчиковъ сахарныхъ и хлопчато-бумажныхъ фирмъ, и жизнь ихъ довольно неприглядна въ этой азіатской столицѣ, лишенной самаго элементарнаго комфорта, къ которому привыкъ даже самый непритязательный европеецъ.

Зной, доходящій лѣтомъ до 50 градусовъ по Реомюру, страшная, разбѣдающая глаза мелькая пыль, отсутствіе хорошей воды для питья, отсутствіе всякихъ санитарныхъ мѣропріятій, зловоніе, необходимость кормиться почти исключительно бараниной, при отсутствіи коровьяго масла необходимость готовить їду на бараньемъ салѣ или кунжутномъ маслѣ, отсутствіе извозчиковъ, отсутствіе какихъ-бы то ни было развлеченій, обособленность отъ всего населенія, ни слова не понимающаго по-русски, вотъ условія, при которыхъ должны жить въ Бухарѣ европеецъ.

Прежде не было въ Бухарѣ и медицинскій помощи, и заболѣвшему предоставлялось ждать терпѣливо рѣшенія Аллаха, оставаться-ли ему жителемъ сей обители скорби или собраться къ праотцамъ. Теперь-же, благодаря усиліямъ нашего политическаго агентства, имѣется небольшая больница съ врачомъ и женщиною-врачемъ, конечно оба русскіе; и населеніе начинаетъ все больше пользоваться этимъ благотѣльнымъ учрежденіемъ.

Подѣзжаемъ къ ельчи-хане. Большое кирпичное зданіе.—Снаружи голыя непривѣтливныя стѣны, внутри большой дворъ, хорошо вымощенный плитами, съ тѣнистою террасою. Множество большихъ и малыхъ комнатъ. Недавно еще здѣсь жилъ нашъ политическій агентъ Павелъ Михайловичъ Лесаръ, извѣстный изслѣдователь Средней Азіи. Но теперь онъ уже живетъ въ построенномъ недавно для посольства около станціи домѣ,—вокругъ котораго начинается образовываться русская колонія.

Въ одной изъ большихъ залъ былъ накрытъ длинный столъ, весь заставленный разнообразными произведеніями бухарскаго кулинарнаго искусства. Въ уваженіе къ нашимъ европейскимъ привычкамъ у стола стояли стулья и у каждаго прибора лежали ножъ, вилка и кусочекъ полотняной матеріи, долженствовавшей играть роль салфетки. Тутъ были: рыба съ изюмомъ и сладкою наливкою, пловъ изъ рису и баранины, какія-то шарообразныя котлеты изъ рубленнаго мяса съ яйцами, нѣкоторые блюда, составъ которыхъ мнѣ не удалось разобрать,—и все на бараньемъ салѣ. Были и сладости, большею частью рассчитанныя на очень крѣпкіе зубы, и фрукты—отличный виноградъ, гранаты, груши и великолѣпныя чарджуйскія дыни. Не успѣвали мы отбѣдать одного блюда, какъ уже приносили другое, довольно похожее на уносимое, и такъ довольно продолжительное время.

Послѣ достархана мы еще разѣзжали по базарамъ и площадямъ, съ трудомъ двигаясь среди густой толпы, иногда заглядывая и въ переулки, вспугивая тамъ приподнявшую чадру бухарку,—и затѣмъ выѣхали за-городъ для посѣщенія ближайшаго лѣтняго дворца эмира.

Я долженъ признаться, что вздохнулъ свободнѣе, когда выѣхалъ изъ стѣнъ бухарской столицы! Въ ней ощущается съ непривычки нѣчто подавляющее. Впервые вы здѣсь лицомъ къ лицу съ нетронутой Азіей; на каждомъ шагѣ вамъ попадаютъ то патріархальныя сцены изъ библии Доре, то картины кипучей восточной торговой жизни, но все вамъ кажется, что люди эти живутъ, мыслятъ и дѣйствуютъ при той-же обстановкѣ, при тѣхъ-же почти условіяхъ, что тысячу лѣтъ тому назадъ; вамъ все представляется сначала неправдоподобнымъ, театральнымъ. Прикативъ сюда по желѣзной дорогѣ въ нѣсколько дней, находясь все время въ обществѣ товарищей, встрѣчая до сихъ поръ вездѣ рядомъ съ болѣе или менѣе древними туземными городами—новые русскіе, рядомъ съ востокомъ—покорившій его западъ,—здѣсь, гдѣ отсутствуетъ все родное намъ, гдѣ востокъ передъ вами во всей его цѣльности, здѣсь вы должны произвести усиліе надъ собою, чтобы заставить себя сознавать, что это не сонъ и не на сценѣ, что все это вы видите на яву, и что это дѣйствительнѣйшая жизнь, жизнь своеобразная и самобытная...

Лѣтній загородный дворецъ эмира снаружи представляетъ тотъ-же видъ высокихъ желтыхъ стѣнъ безъ оконъ, съ большими въѣздными воротами. У воротъ отдаетъ честь караулъ съ офицеромъ во главѣ. Черныя папахи, темно-зеленые однобортные мундиры, красныя шаровары изъ верблюжьей кожи—чимбары, пашка русскаго образца—и берданка въ рукѣ. На офицерѣ генеральскіе русскіе погоны и звѣзда на груди. Во дворѣ намъ представляется другой офицеръ, высшаго ранга, комендантъ дворца, съ двумя звѣздами на груди и капитанскими погонями на плечахъ. Оказывается, что въ бухарской арміи погоны обязательны, но выборъ ихъ предоставляется каждому офицеру, покупающему ихъ у русскихъ торговцевъ по своему вкусу,—кто генеральскіе,

кто капитанскіе, а кто и докторскіе. Кстати замѣтимъ, что эмиръ содержитъ довольно значительное войско, стоящее ему не мало денегъ.

Къ нѣсколькимъ дворамъ примыкаютъ самые разнообразныя покои, большіе и малые и большіе пріемные залы. Стѣны и потолки нѣкоторыхъ комнатъ расписаны въ персидскомъ вкусѣ, другихъ—богато разукрашены лѣпкою съ красивыми сталактитовыми нишами. Есть и комнаты, оклеенныя обоями. Одинъ аудіенцъ-залъ съ галлереею на очень изящныхъ колонкахъ въ персидскомъ вкусѣ, въ другомъ—стѣны выложены кусочками зеркальныхъ стеколъ—бухарское подобіе версальскаго зеркальнаго зала. А одна небольшая комната отдѣлана на подобіе спальнаго вагона I класса, очень понравившагося эмиру въ одной изъ его поѣздокъ по желѣзной дорогѣ.

Мебели почти никакой, но великолѣпныя громадныя ковры—бухарскіе, персидскіе, текинскіе, кавказскіе—въ комнатахъ второстепенныхъ, а въ главныхъ—очень не важныя ковры московскаго издѣлія. Гаремъ помѣщается во второмъ этажѣ и состоитъ изъ небольшихъ комнатъ, довольно изящно отдѣланныхъ.

Тѣмъ-же бѣшенымъ аллюромъ вернулись мы къ ночи на станцію. Вечеръ провели самымъ пріятнымъ образомъ у нашего политическаго агента, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ инженера путей сообщенія, и нашего коллеги. Павелъ Михайловичъ Лессаръ не только глубокій знатокъ, но и энтузіастъ Средней Азіи. Онъ не понимаетъ, какъ можно жить въ Европѣ, какой тамъ можетъ быть интересъ,—то-ли дѣло здѣсь—всѣ эти интересныя народности, всѣ эти малоизвѣданныя страны, эти сложныя взаимныя между ними отношенія, своеобразность и тонкость восточной политики! Вотъ это интересно, вотъ этимъ стѣдуетъ позаняться! И не смотря на то, что своими путешествіями въ текинскихъ степяхъ Павелъ Михайловичъ значительно разстроилъ свое здоровье, онъ готовъ своимъ изслѣдованіямъ въ Азіи посвятить всю жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ у представителя Россіи здѣсь обширное поле дѣйствій и серьезныя задачи въ отношеніи торговомъ и промышленномъ. Съ одной стороны здѣсь обширнѣйшій рынокъ для сбыта нашихъ произведеній, съ другой вывозъ отсюда хлопка, шелка, шерсти, кожъ—все возрастаетъ.

Долго сидѣли мы за стаканомъ хорошаго самаркандскаго вина, слушая интересные рассказы Павла Михайловича, мастерски и съ тонкимъ юморомъ рисовавшаго передъ нами здѣшній край, его населеніе, законы, обычаи и нравы. И всюду сквозила любовь изслѣдователя къ предмету своего изслѣдованія. Мы-бы еще долго сидѣли и забрасывали разспросами нашего любезнаго хозяина, если-бы не поздняя ночь. Наконецъ, мы распростились, пожелавъ всякаго благополучія нашему коллегѣ, столь успѣшно перешедшаго съ инженернаго поприща на дипломатическое....

Дальнѣйшее путешествіе по Бухарѣ совершалось среди тѣхъ-же деревень и городовъ, окруженныхъ растительностію, среди зеленѣющихъ огородовъ, садовъ, полей и плантацій, орошенныхъ водами Заравшана. На нѣкоторыхъ станціяхъ зданія выстроены изъ мрамора, ломаемаго около станціи Кермене.

Передъ станцію Каты-Курганъ мы покидаемъ Бухарское ханство и вступаемъ въ предѣлы Туркестана. Окружающая мѣстность все та-же, только растительность становится еще богаче, обработка полей еще тщательнѣе. Каты-Курганъ—уѣздный городъ. У самой станціи разстилаются коричневыя съ бѣлыми пятнами хлопчатая плантаціи, а среди нихъ стоитъ группа деревянныхъ и кирпичныхъ зданій,—заводъ для очистки и прессовки хлопка. Разведеніе хлопка принимаетъ въ Туркестанѣ все большіе размѣры, имъ занялись и нѣсколько крупныхъ московскихъ капиталистовъ,—и можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени весь потребляемый въ Россіи хлопокъ будетъ поставляться нашими средне-азиатскими владѣніями, и мы перестанемъ платить ежегодно до сотни милліоновъ рублей за иностранный хлопокъ.

Со станціи видны въ густой зелени дома Каты-Кургана, а шоссеиная дорога кишитъ народомъ—въ арбахъ, на верблюдахъ, пѣшкомъ, на яшакахъ,—и все это спѣшитъ въ городъ. Оказывается, что сегодня базарный день. На станціонномъ дворѣ находимъ нѣсколько русскихъ извозчиковъ, выбираемъ одного—съ лихою пристяжною—и направляемся на базаръ. Разстояніе нѣсколько болѣе версты. Вдоль шоссе высокіе тополи и старые каштаны, дающіе пріятную прохладу. Городокъ имѣетъ вполне благоустроенный видъ,—шоссированныя улицы усажены деревьями, небольшіе домики—особняки окружены садами. Однѣ улицы—съ европейскими домами, штукатуренными,—другія сартскія—съ желтыми плосккрышиными сырцевыми домишками безъ оконъ. Повсюду просторъ, зелень, ничего напоминающаго душливую тѣсноту бухарскихъ городовъ. На базарной площади большое оживленіе. Всюду по землѣ расположились сарты со своимъ товаромъ: огромная капуста, морковь, сельдерей, огурцы, душистыя дыни, персики, орѣхи, великолѣпныя гранаты: въ другомъ мѣстѣ—гончарныя издѣлія грубой выдѣлки, окрашенныя очень оригинально яркими цвѣтами; сапоги, хлопчатобумажныя и шерстяныя ткани... А среди кучекъ продавцевъ съ ихъ товаромъ движется оживленная, крикливая толпа горожанъ и сельчанъ,—мужчины, въ пестрыхъ халатахъ, опоясанные расшитыми шелками кушаками, въ бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ чалмахъ, женщины—въ неизмѣнныхъ свѣтло-синихъ плащахъ и черныхъ чадрахъ. Иногда въ пылу торгова чадра на мгновеніе приподнимается, блеснутъ большіе черные глаза, покажется на мигъ смуглое личико съ темнокрасными губками,—и опять вмѣсто лица подъ синимъ капюшономъ—эта гадкая черная чадра...

Путь нашъ до Самарканда, около семидесяти верстъ, весь протекаетъ какъ-бы въ прекраснѣйшемъ саду. Вся эта плодородная мѣстность, орошаемая водами канала Нуръ-Пай, тщательно выровнена для искусственной приращаціи. Благословенный край! Куда ни глянешь—рисовыя и сорговыя поля, плантаціи хлопчатая, табачныя, деревни и отдѣльныя усадьбы среди рощъ и садовъ, на арыкахъ мельницы съ отводными отъ нихъ каналами—заками.

Эти заки, отводящія отработанную воду, не смотря на свой смиренный видъ, иногда для желѣзной дороги довольно опасны; такъ весною вода изъ заки прорвала

здѣсь мельничную плотину и разрушила двухъ-саженную каменную трубу. Временно устроены деревянный мостъ, и, наученные этимъ опытомъ, наши закаспійскіе коллеги предполагаютъ здѣсь уже поставить желѣзныи мостъ въ пѣлыхъ десять саженъ пролетомъ.

Многочисленные каналы, встрѣчаясь съ желѣзною дорогою, проведены подъ нее сифонами.

Поля становятся рѣже, огороды и сады все чаще, попадаются и виноградники, и издали на ярко-голубомъ небѣ обрисовываются стройныя линіи башенъ и куполовъ древней столицы Тамерлана. Это Самаркандъ—оконечный пунктъ Закаспійской дороги—и нашего азіатскаго путешествія.

Нужно различать два Самарканда, другъ отъ друга совершенно различныхъ и находящихся въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи—одинъ русскій, другой—сартскій.

Русскій Самаркандъ—прелестный европейскій городокъ среди экзотической растительности, нѣсколько напоминающій благоустроенные нѣмецкіе курорты. Широкія улицы, отлично шоссированныя, по бокамъ усаженные высочайшими тополями и широко-разросшимися каштанами; отличныя троттуары. Хорошенькіе одноэтажные домики, окруженные садами, длинныя и тѣнистыя бульвары. Въ великолѣпномъ паркѣ съ большимъ прудомъ играетъ оркестръ военной музыки, гуляетъ публика—дамы, офицеры, штатскіе—точь-въ-точь Киссингенъ или Висбаденъ, только при болѣе богатой флорѣ.

Магазины, въ которыхъ можно найти все, что производятъ Европа и Азія, начиная отъ англійскихъ несессеровъ, парижскихъ рюшекъ, берлинскихъ альбомовъ, вѣнскихъ стульевъ, московскихъ ситцевъ, тульскихъ ножницъ и кончая киргизскою шерстью, китайскимъ чаемъ, индійскимъ шелкомъ. Извозчики также очень хорошіе. Прибавьте ко всему этому хорошій мягкій климатъ и живописныя окрестности,—и станетъ понятнымъ, какое прекрасное впечатлѣніе долженъ былъ произвести на насъ этотъ городъ.

Спускаясь съ европейскаго Самарканда, которому, не смотря на все его благоустройство, не болѣе 25 лѣтъ отъ роду, мы по пыльной дорогѣ направляемся къ древнему азіатскому Самарканду. Центръ этого обширнаго желтаго плоскокрышаго города—Регистанъ. Это обширная площадь, съ трехъ сторонъ ограниченная большими полуразрушенными зданіями медресе—съ грандіозными портиками въ серединѣ и накренившимися башнями по угламъ. Вслѣдствіе этихъ башенъ Регистанъ у русскаго населенія здѣсь называется по-просту «столбы».

На площади кипучая народная жизнь. На землѣ и на низкихъ ларахъ сидятъ продавцы овощей, фруктовъ и разныхъ кустарныхъ издѣлій, подъ тѣнью большого дерева сидитъ кучка узбековъ за чашкою кофе, покуривая время отъ времени изъ украшеннаго бирюзой челима, передаваемого по очереди изъ рукъ въ руки. Передъ медресе большая толпа народу сидитъ и стоитъ вокругъ какого-то рассказчика. Подходимъ; насъ почтительно пропускаютъ въ

кругъ. Старичекъ въ желтомъ халатѣ, съ тибетейкой на лысой головѣ, съ желтымъ высохшимъ лицомъ и рѣдкою бородкою, на борточкахъ сидитъ передъ книгою и крикливо что-то рассказываетъ, сопровождая свое повѣствованіе оживленною мимикою, прищуриваніемъ и закатываніемъ глазъ и размахиваніями руками. Толпа слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и по подвижнымъ лицамъ сартовъ вы можете заключить о серьезномъ или веселомъ содержаніи рассказовъ. Время отъ времени рассказчикъ останавливается и говоритъ «умэнь» (аминь)—и вся толпа вторитъ ему благоговѣйно—«умэнь». Иногда рассказъ прерывается взрывомъ хохота слушателей.. Рассказчикъ окончилъ, послѣднее умэнь,—и сарты расходятся. Увидѣвъ насъ, старичекъ подошелъ, произвелъ быстрое движеніе пальцами и спросилъ «фокусъ? фокусъ»? Мы приняли его предложеніе. Черезъ минуту онъ вытащилъ откуда-то небольшой ящикъ, поставилъ его на полъ, вынулъ какую-то книжку, нѣсколько шариковъ и бокаловъ, сѣлъ на борточки и сталъ показывать фокусы. Изъ одного шарика дѣлалось нѣсколько, они то исчезали, то появлялись, и тому подобное; все это продѣлывалось довольно ловко. Затѣмъ фокусникъ показалъ намъ книгу; перелистываетъ—все бѣлые листы, снова перелистываетъ—на каждой страницѣ зеленые ослы, опять перелистываетъ—черные верблюды. Насыпавъ самаркандскому Боско въ ладонь горсть мѣстныхъ серебряныхъ монетъ, мы пошли въ медресе. Тотъ-же дворъ, окруженный кельями, расположенными въ нѣсколько этажей, что и въ Бухарѣ, но обширнѣе. Величественные своды, стрѣлчатые арки. По узкимъ каменнымъ лѣстницамъ съ неимоვნно высокими ступеньками можно взобраться на плоскую крышу и оттуда любоваться прекраснымъ видомъ: съ одной стороны новый Самаркандъ—русскій—весь въ зелени, затѣмъ крѣпость на холмѣ; подъ ногами сартскій городъ съ сѣтью узкихъ и нѣсколькими широкими улицами между массами тѣснящихся желтыхъ домиковъ съ плоскими крышами. Тамъ и сямъ развалины мечети, высокая башня, куполь, среди роши виднѣется кладбище, а вдали зеленѣетъ долина Заравшана.

Вообще сартскій городъ похожъ на Бухару, но выгодно отъ нея отличается болѣе широкими и прямолинейными улицами, лучшимъ ихъ состояніемъ и болѣею опрятностію. Затѣмъ здѣсь не такая скученность построекъ, какъ въ Бухарѣ и больше растительности. Главныя улицы и здѣсь заняты сплошь лавками и жизнь въ нихъ кипитъ какъ въ муравейникѣ. Внѣшность у населенія, конечно, та-же, что у родственнаго ему бухарскаго, только среди туземцевъ на каждомъ шагу встрѣчаются русскіе, въ особенности солдаты, въ темно-красныхъ кожанныхъ чимбарахъ.

Намъ бросились въ глаза какіе-то особенно красивые туземцы, высокіе, стройные, съ правильными чертами и строгимъ выраженіемъ лица, въ цвѣтныхъ чалмахъ, свѣтлыхъ курткахъ съ мѣдными пуговицами и родъ гамашей на ногахъ—это оказались афганцы, почему-то бѣжавшіе отъ Абдуррахмана. Въ одной изъ улицъ мы встрѣтили трехъ странствующихъ дервишей, одного

худого высокаго, и двухъ маленькаго роста и пополнѣе, одѣтыхъ въ конусообразныя цвѣтныя шапки, окаймленныя мѣхомъ, и въ халаты, составленные изъ массы самыхъ разнообразныхъ доскутковъ, на подобіе одѣяль, которыя встрѣчаются иногда у нашей прислуги. Они шли медленно гуськомъ, долговязый впереди, и уныло нараспѣвъ повторяли непрерывно какія-то три-четыре слова, приблизительно звучащія какъ: «улль-алла-уллалъ, улль-алла-уллалъ».... Встрѣчая прохожаго или подходя къ лавкѣ, они, не прерывая своего меланхолическаго напѣва, протягивали руки, — и каждый давалъ имъ милостыню: кто серебряную тенгу — двадцать копѣекъ, кто нѣсколько мѣдныхъ кружбовъ—пули, идущихъ три на копѣйку.

По угламъ большихъ улицъ стоятъ полицейскіе — въ чалмахъ, въ длинныхъ кафтанахъ, опоясанные темно-синимъ поясомъ съ оранжевымъ полицейскимъ кантомъ, съ бляхою на груди и длинною палкою въ рукахъ. Значительная часть населенія понимаетъ по-русски и нерѣдко встрѣтитъ сарта, довольно хорошо говорящаго по-русски. Въ лавкахъ тѣ-же товары, что и въ Бухарѣ, но съ большимъ преобладаніемъ московской мануфактуры.

Въ одной изъ болѣе отдаленныхъ улицъ пожилой сартъ съ благодушнымъ лицомъ, сидѣвшій на корточкахъ передъ своимъ домомъ, замѣтивъ любопытство, съ которымъ мы заглядывали въ открытыя двери домовъ, пригласилъ насъ непонятными намъ словами, но вполне понятными жестами, посѣтить его жилище. Наружный видъ этого небольшого домика тотъ-же, что у всѣхъ сартскихъ домовъ—глиняная голая стѣна съ тяжелою входною дверью и небольшимъ рѣшетчатымъ окошечкомъ на самомъ верху. Вошли мы въ дверь и очутились въ конюшнѣ, въ которой около лошади мирно кормились два яшака. Выйдя изъ конюшни, мы вступили въ небольшой мощеный дворикъ, огражденный справа стѣною, а слѣва крытою галлереєю, соединяющей двухъ-этажный флигель передъ ними, съ двумя-тремя жилыми комнатами, расположенными надъ конюшнею, которую мы только-что прошли. Стѣны всѣ раскрашены узорами; небольшія окна изъ второго этажа флигеля и надконюшенныхъ камнатъ, а также двери къ помѣщеніямъ нижняго этажа флигеля обращены во дворикъ. Во дворѣ нѣсколько тюковъ какого-то товара и арба. Слѣдуя за нашимъ хозяиномъ по крытой камышемъ галлерей на деревянныхъ рѣзныхъ колонкахъ, очень изящно выкрашенныхъ масляною краскою, мы по узенькой лѣстницѣ подыались въ комнаты уличнаго корпуса. Онѣ оказались очень небольшими, аршина четыре или пять въ квадратѣ и вышиною немного болѣе человѣческаго роста, на полу ковры—больше ничего,—«гаремъ», сказалъ сартъ. Разъяснилось, что семья его, кромѣ старшаго сына, гдѣ-то въ отъѣздѣ, вѣроятно на дачѣ, и что мы въ женской половинѣ. Окошечко съ рѣшеткой, которое видно съ улицы, оказалось именно изъ одной изъ этихъ комнатокъ—дань любопытству самаркандскихъ дочерей Евы. Комнаты нижняго этажа двороваго флигеля оказались просторнѣе и выше. Потолки въ нихъ очень красивые—съ открытыми рѣзными крашенными и лакированными балками, съ

позолотою въ фаскахъ. Стѣны съ лѣпными нишами, самаго разнообразнаго вида. Въ нишахъ разная утварь: кувшины, тазы, челимы, на полу ковры и нѣсколько подушекъ, въ одномъ углѣ большой деревянный кипарисовый сундукъ. Двери рѣзныя, а надъ ними окошечко съ разноцвѣтными стеклами. Въ верхнемъ этажѣ опять небольшія комнаты для женщинъ. Пройдя одну изъ комнатъ, мы вышли на другой дворъ, похожій на первый, но нѣсколько меньшій и лучше вымощенный большими плитами.—И тутъ опять крытая галлерея, но еще болѣе богато-отдѣланная, соединяла флигель, чрезъ который мы прошли, съ подобнымъ-же ему, противоположнымъ въ этомъ второмъ дворѣ. Этотъ второй флигель окончивался постройкою: нѣсколько маляровъ были заняты раскраскою и позолотою потолковъ, стѣнъ, лѣпкою нишъ въ стѣнахъ. По всему видно было, что этотъ корпусъ долженъ будетъ превзойти изяществомъ и богатствомъ осмотрѣнный нами. Работами руководилъ стройный молодой безбородый челоуѣкъ, въ изящномъ халатѣ и бѣлоснѣжной чалмѣ—старшій сынъ хозяина, собиравшійся обзавестись собственною семьею, и для котораго отдѣливался флигель...

Въ Самаркандѣ, когда-то центрѣ ислама въ Средней Азіи, очень много мечетей и гробницъ, но большинство изъ нихъ представляются въ болѣе или менѣе разрушенномъ видѣ. Самый знаменитый изъ памятниковъ старины—это гробница Тамерлана, гдѣ подъ высокимъ куполомъ покоится прахъ этого великаго завоевателя XIV вѣка. Мечеть эта замѣчательна какъ по грандіозности своихъ размѣровъ, такъ и по прелести и высокому художеству майоликовыхъ украшеній фасада и отдѣлкѣ сводовъ сталактитами. Къ сожалѣнію, все это разрушается, и если не будутъ приняты соотвѣтственные мѣры, то не въ очень отдаленномъ будущемъ отъ большинства этихъ цѣнныхъ памятниковъ того Самарканда, который, соперничая съ Пекиномъ, считался величайшею столицею востока, останутся однѣ лишь развалины.

Невольно здѣсь погрузишься думою въ прошлое этого замѣчательнаго города, прославленнаго въ арабскихъ сказкахъ, какъ воплощеніе всего великаго и прекраснаго. Сколько разъ его разоряли, уничтожали до тла,—и сколько разъ онъ опять возрождался къ жизни и славѣ. Впервые его разрушилъ во время своего похода въ Индію Александръ Македонскій, городъ тогда назывался Мараканда. Въ VII вѣкѣ по Р. Х. арабскій завоеватель Самаръ значительно его отстроилъ, и онъ подъ именемъ Самарканда становится съ X вѣка столицею обширнаго государства. Въ 1220 году несчастный городъ разрушается Чингисханомъ, но Тимуръ его доводитъ до небывалаго процвѣтанія и въ концѣ XIV вѣка основываетъ въ немъ духовную академію, служащую центромъ мусульманской науки въ Центральной Азіи...

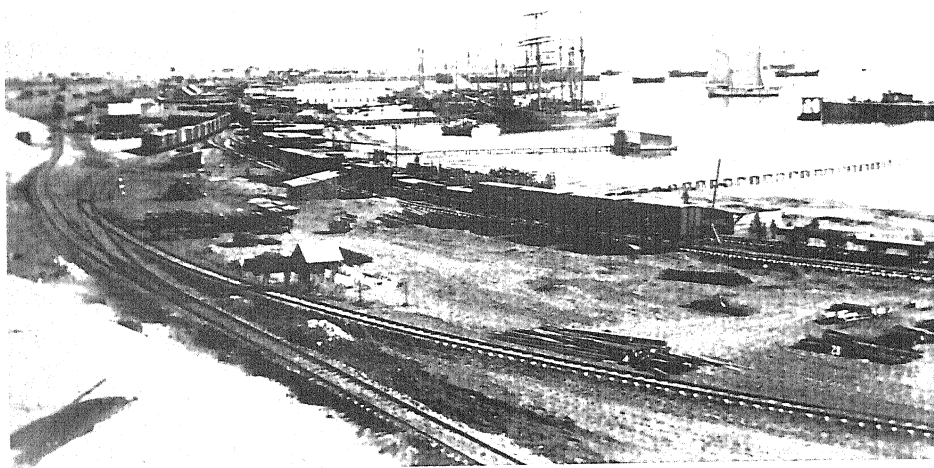
Хотя Самаркандъ теперь далеко не имѣетъ прежняго значенія, но все-же онъ одинъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ пунктовъ средне-азиатской торговли. А съ продолженіемъ Закаспійской желѣзной дороги на Ташкентъ и къ

другимъ пунктамъ, вѣроятно, и Самарканду предстоитъ еще періодъ расцвѣта, но, конечно, при другихъ совершенно условіяхъ и въ другомъ видѣ—въ XX вѣкѣ, чѣмъ пять столѣтій тому назадъ....

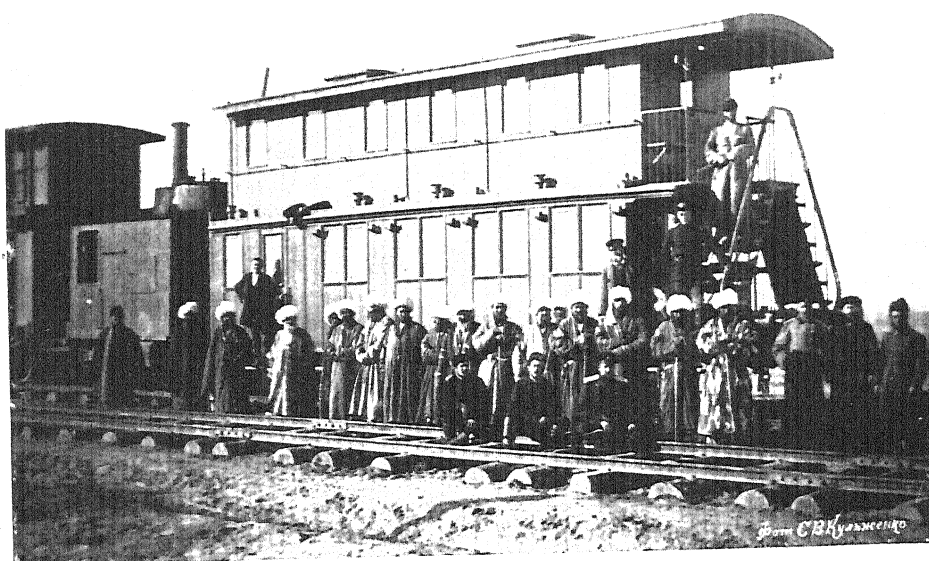
И немалое удовлетвореніе испытываетъ инженеръ при мысли, что въ пробужденіи когда-то славнаго востока къ новой жизни первенствующую роль суждено играть желѣзной дорогѣ,—болѣе мощному завоевателю, чѣмъ Чингисханъ и Тамерланъ.

А. Абраамсонъ.

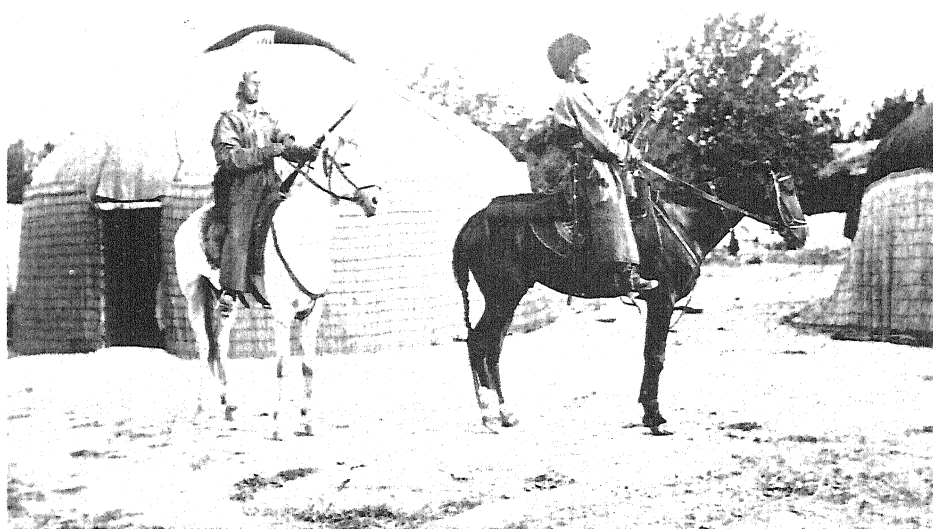

Портъ и станція Узунъ-Ада.

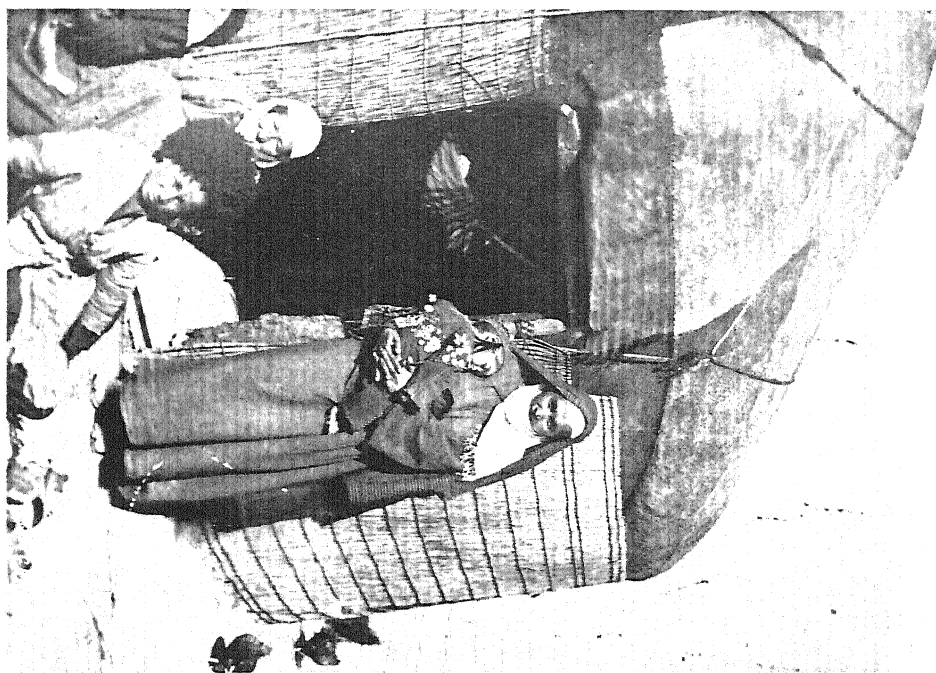

Вагонъ ген. Аненкова.

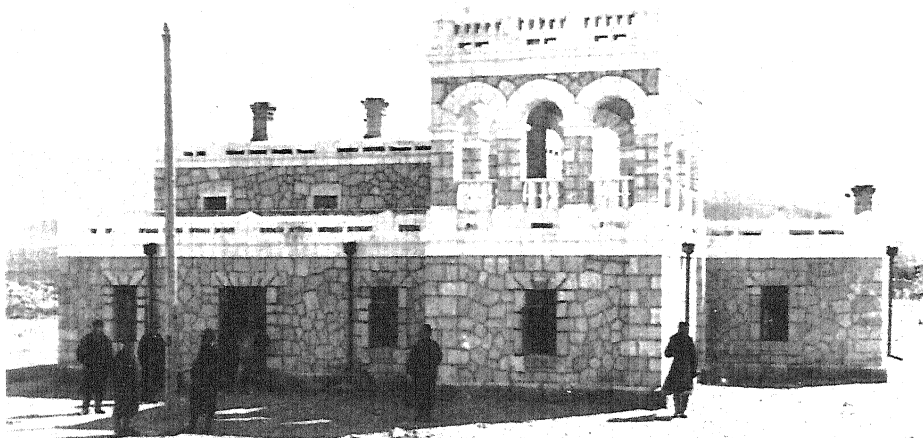
Селітопечать С. В. Кульженко. Кіев.

Текинські типи.

Селітопечать С. В. Кульженко. Кіев.

Київська.

Селътопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Казарма ремонт. артели на ст. Коджъ.

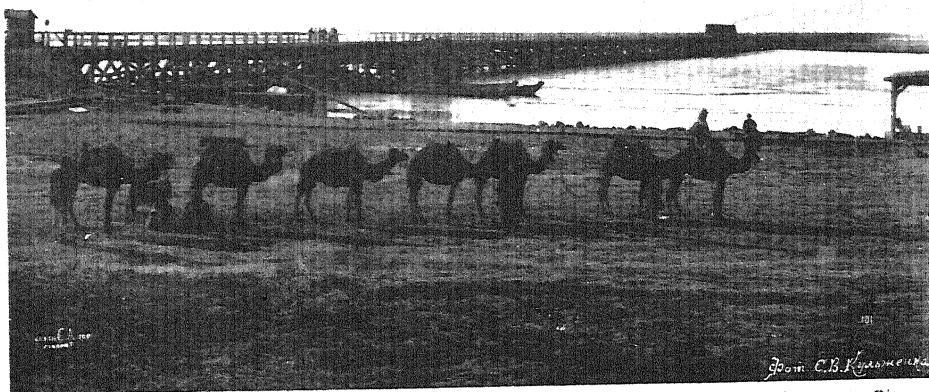
Селътопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Базарная ул. въ Асхабадѣ.

Сфотограф. С. В. Кульженко, Кіевъ.

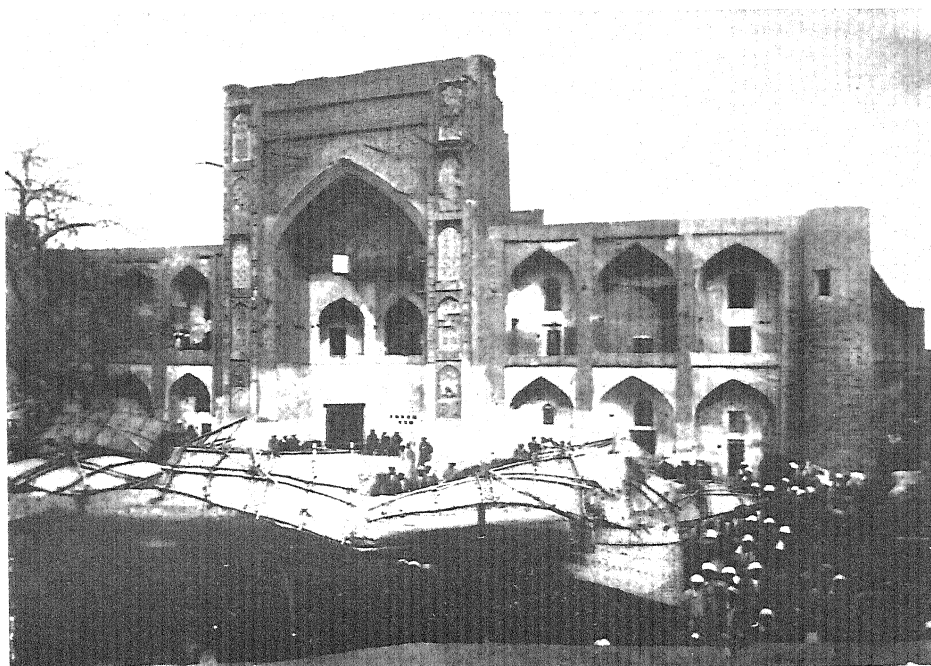
Развалины древняго Мерва.

Фот. С. В. Кульженко.

Сфотограф. С. В. Кульженко, Кіевъ.

Мостъ черезъ Аму-Дарью.

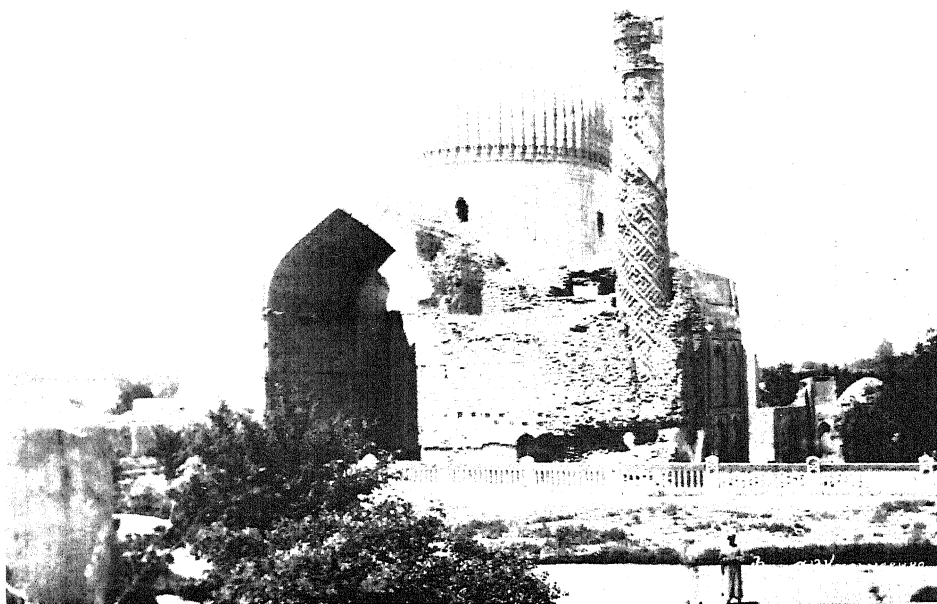
Святотечать С. В. Кульженко. Киев.

Медресе въ Бухарѣ.

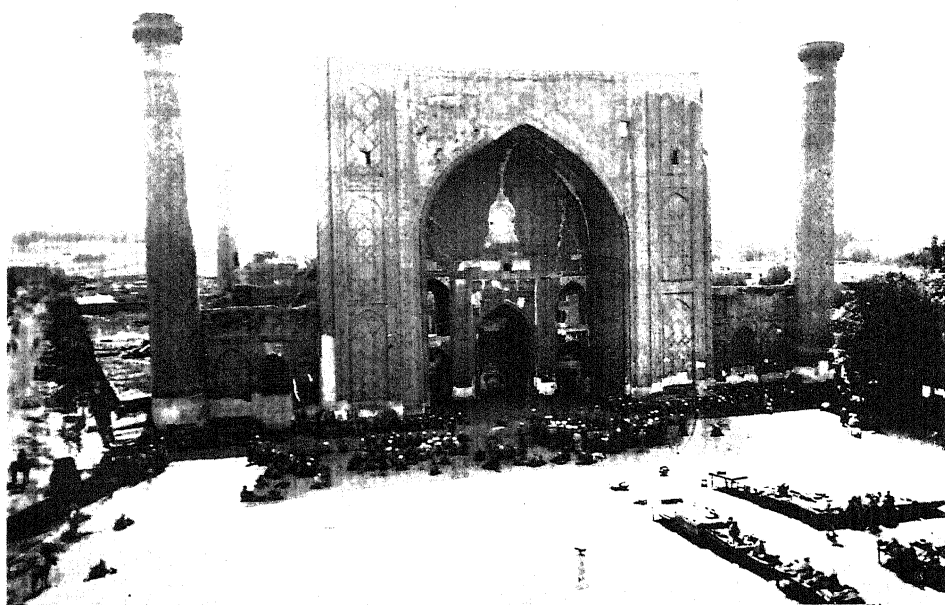
Святотечать С. В. Кульженко. Киев.

Улица въ Бухарѣ.

Святотечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Гробница Тамерлана.

Святотечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Регистанъ и Медресе въ Самаркандѣ.